

Вячеслав ДАВИДОВ (Барух)

ЛЮБОВЬ

горька

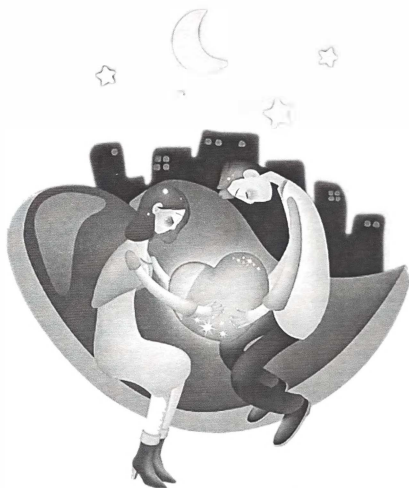
Памяти Петра (Хаима) Агарунова

***Он так хотел, чтоб горские евреи
Смогли в стране Израиля сберечь
Своё лицо, культуру, пламя веры
И передать сынам родную речь!***

Вячеслав ДАВИДОВ (Барух)

Любовь горца

Повесть для театра в 2-х действиях

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИР/ЗОРИ

ИЗРАИЛЬ - 2009

Давыдов В. П.

Любовь горца: пьеса /Вячеслав (Барух) Давыдов; [обложка Э.Алиев] - Израиль: издательский дом «Мирвори», 2009, - 108 стр.

ISBN 978-965-7448-02-1

«Любовь горца» - пьеса в 2-х действиях или повесть для театра, как определил автор жанр своего нового произведения. Театральное искусство привлекало Вячеслава (Баруха) Давыдова с юных лет, поэтому к жанру драматургии он обращался уже неоднократно. Его новой работе предшествовали три пьесы, две из которых были созданы в России, а третья – в Израиле.

В своей новой пьесе автор рассказывает о жизни горских евреев в Израиле. Надо сказать, что в драматургии эту тему до него не затрагивал ещё никто.

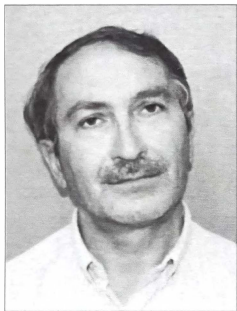

Портрет работы Натальи Ланге

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Давыдов Вячеслав Петрович родился в Москве 6.10.1946 г. Музыкант по профессии, поэт по призванию. В 1969 г. окончил Московскую консерваторию по классу гобоя. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Гобой в инструментальной музыке XVIII века». В течение 15 лет преподавал на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории. В России приобрел вторую профессию - экскурсовода. Автор публикаций в области искусствоведения и краеведения. В 1991 г. репатрировался в Израиль. Преподавал в музыкальной школе. Стихи начал писать с 25 лет. Выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1998), «На своей земле» (2001). В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла его новая книга «Очерки о культуре горских евреев в Израиле». Публиковался в альманахах «Роза ветров», «Возвращение в Сион», «Наше слово». «Поэты Офакима», «Горизонт», «Хронометр», «Талисман пустыни», «Русское эхо», русской периодической печати. С 1999 г. - член Союза писателей Израиля. В Израиле присвоена научная степень доктора искусствоведения. В настоящее время проживает в Бсэр-Шеве.

(Из краткой энциклопедии горских евреев Х.И.Абрамова)

ОТ АВТОРА

Не без волнения предлагаю вниманию читателей свою новую пьесу «Любовь горца», написанную на тему из жизни горских евреев в Израиле. Это не первое моё обращение к жанру драматургии. Ей предшествовали три пьесы, две из которых созданы в России, а третья – в Израиле.

Надо сказать, что искусство театра привлекало меня с юных лет. Ещё в годы учёбы в Москве я активно участвовал в школьном драматиче-

ском кружке, в котором переиграл немало ролей, причём, по общему мнению, мне особо удавались роли стариков. Я часто посещал спектакли знаменитых московских и гастрольных театров и за несколько лет до репатриации в Израиль в 1991 году был участником постановок театральной студии при Музее истории и реконструкции Москвы. С тех пор любовь к искусству театра осталась во мне на всю жизнь.

В 2001 году в Иерусалиме состоялась Международная научная конференция, посвящённая теме репатриации горских евреев с Кавказа в Израиль. На меня большое впечатление произвёл доклад крупнейшего деятеля театра и кино Петра (Хаима) Агарунова «Искусство и театр горских евреев», под влиянием которого у меня вскоре возник замысел написания собственной пьесы о современной жизни горских евреев в Израиле. Тогда же на конференции я познакомился с Хаимом, в дальнейшем встречался с ним на разных мероприятиях горско-еврейской общины, и наши отношения приняли дружеский тёплый характер.

Спустя 2 года после нашего знакомства Хаим Агарунов пригласил меня к себе в гости в Хадеру, и во время этой встречи я поделился с ним желанием сочинить пьесу о горских евреях и сомнением, хорошо ли, если она будет написана на русском языке. Он полностью поддержал мой замысел и успокоил меня, сказав, что пьесы о

горских евреев на современную тематику ещё не было, и что, если она будет создана на русском, её всегда можно будет перевести на горско-еврейский язык. Кроме того, он дал мне ценные советы относительно защиты авторского права.

Однако пьеса «Любовь горца» тогда ещё не совсем созрела во мне и была отодвинута другими творческими работами, среди которых была книга «Очерки о культуре горских евреев в Израиле», посвящённая памяти моей матери – уроженки г. Кубы, и изданная в издательстве «Мирвори» в 2007 году. Конечно, появление этой книги в моей творческой биографии не было случайным, ибо она отразила развитие моего самосознания, как горского еврея, на что в немалой степени повлияло общение с Хаимом Агаруновым и его работы. Среди них я особо хотел бы выделить статью «Театральное искусство горских евреев», опубликованную в «Кавказской газете» и втором номере альманаха «Мирвори».

Мне приятно отметить тот факт, что в кубинской горско-еврейской драматической труппе в 20-30 гг прошлого века состояла моя тётя (старшая сестра мамы) Сипро Давыдова, о чём она мне не раз говорила. Подтверждение этому я нашёл в книге Б. Маноаха «Пленники Салманасара», где на 102 стр. упоминается её фамилия. Нашёл я её и на сохранившейся фотографии кубинской театральной труппы, где она сидит вторая справа во втором ряду.

Во время моей первой поездки на Кавказ в 1960 году я посетил межколхозный горско-еврейский театр в Дербенте, именно тогда, когда его возглавил Петр Агарунов. Это было моё первое приобщение к нашему театру, которое оставило неизгладимый след в моей памяти. Позже из статьи Хаима я узнал, что основу его репертуара составляли пьесы на горско-еврейском языке Я. Рабиновича, Я. Агарунова, Я. Бирарова, Ю. Семёнова, Б. Гаврилова, М. Бахшиева, И. Ханукова, С. Изгияева, Х. Авшалумова и других авторов. Некоторые постановки шли с музыкой Уз.Гаджибекова и Ш.Ашурова. Кроме того, писались пьесы и на русском языке. Это, прежде всего, драма И. Анисимова «В горах Дагестана», изданная в 2003 году под общей редакцией и в художественном оформлении Ф. Юсуфовой; народная драма Л. Амирова «Шамиль», вышедшая в 1996 году в сборнике «Есть на свете любовь», и др.

Прекрасные традиции горско-еврейского театра в нашей стране возродил замечательный артист и режиссер Роман Изъев, многие годы проработавший в Дербентском горско-еврейском театре и сыгравший в нем целый ряд блестящих ролей. Совершив репатриацию в Израиль в 2001 году, он при поддержке Нои Ишай, подавшей проект в муниципалитет, создал в Хадере наш национальный театр и поставил в нем ряд спектаклей, в том числе свою комедию «Муж трех жен», превосходно сыграв в ней главную роль. Этот спектакль показан в нескольких городах Израиля и повсюду имел громадный успех. Я с большим удовольствием посмотрел его в Беэр-Шеве, что еще больше укрепило во мне желание написать пьесу о жизни горских евреев на Земле Обетованной.

К большому сожалению, Хаим Агарунов скончался в 2006 году, так и не дожив до выхода из печати моей пьесы. Спустя год в Кавказском культурном центре г. Хадеры состоялся вечер его памяти, организованный Б. Едигаровым. Здесь я впервые прочитал стихи, посвященные Х. Агарунову.

В 2008-ом – юбилейном для Израиля году – работа над пьесой «Любовь горца» была, наконец, завершена, и я рад, что она выходит в свет в издательстве «Мирвори» в год 60-летия создания нашего государства. И вполне естественно моё желание посвятить её памяти выдающегося сына горско-еврейского народа Петра (Хаима) Рафаиловича Агарунова (1930-2006), без дружеского общения с которым эта пьеса не была бы написана. Не случайно его ивритское имя я дал главному герою своего произведения...

В ходе работы над пьесой «Любовь горца» я опирался на книги по горско-еврейской тематике Х. Абрамова, Я Агарунова, Х. Авшалумова, Л. Амирова, М. Агарунова, Р. Бадалова, М. Дадашева, М. Елизарова, М. Козаковой, А. Кукуллу, Б. Маноаха, Ю. Мурзаханова, И. Семёнова, Ш. Якубова, альманахи «Наша звезда», «Мирвори» (первые три выпуска), а также на материалы «Кавказской газеты» (издатель и главный редактор Й. Мишиев).

Считаю своим долгом выразить благодарность Р.Изъеву, М. Агарунову, Л. Самуэль, И. Ташаевой, Ф. Юсуфовой, С. Ашурову, Б.Едигарову, Д.Раханаеву, редактору книги М.Козаковой и дизай-

неру Э.Алиеву, чьи советы и консультации помогли мне в работе над пьесой.

Автор затрудняется в определении жанра пьесы «Любовь горца». Это не драма, не комедия, а скорее повесть для театра на тему быта горских евреев в Израиле. В пьесе не указано название города, в котором происходит действие, и фамилии её героев, так как события, описанные в ней, могли произойти в любом городе Израиля с компактным проживанием горских евреев и в любой горско-еврейской семье.

В пьесе звучат песни Жасмин, Е. Амирамова, Я. Яркони, Б. Ханукаева и использованы стихи Д. Шабаева и З. Семендуевой (на горско-еврейском языке).

В заключении мне хочется выразить надежду, что моя мечта увидеть свою пьесу напечатанной и поставленной в переводе на горско-еврейский язык рано или поздно осуществится...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хаим – отец Батцион, вдовец, гость из Америки, 70 лет

Моше – муж Батцион, 50 лет

Батцион – мать Мазаль, 48 лет

Мазаль – невеста Шимшона, 21-го года

Шауль – брат Мазаль, 16 лет

Тамара – мать Шимшона, вдова, 45 лет

Шимшон – жених Мазаль, 22-х лет

Алик – брат Шимшона – 13 лет

Аснат и Шошана – подруги Мазаль, по 21 году

Исроиль – сосед Моше, Ветеран войны, вдовец, 80 лет

Нисим – друг Исроиля, сосед Моше, 70 лет

Люба – жена Нисима, 60 лет

Эдик – руководитель музыкального ансамбля, 30 лет

Действие пьесы происходит в одном из небольших городов Израиля с компактным проживанием горских евреев в первые годы ХХI века, после праздника Шавуот за неделю до свадьбы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Частный домик Моше и Батцион на окраине города. Слева от него виден двор, переходящий в сад, с забором и калиткой. В середине двора под большим деревом расположен круглый столик с плетёными стульями вокруг него. Справа к домику примыкает просторная открытая терраса, задняя стена которой украшена дагестанским ковром и старинной семейной утварью. Правую часть террасы занимает большой обеденный стол, окружённый плетёными стульями. В углу стоит работающий вентилятор. У стола хлопочет Батцион, накрывая его на обед к приезду своего отца Хаима из Америки. Негромко звучит диск с песнями Жасмин. Из дома на террасу выходит Мазаль в свадебном платье и золотых украшениях, подаренных ей Шимшоном. За ней выходит Аснат, в руках которой коробка для туфель.

Мазаль. Мама, я примеряю свадебное платье, которое мне сегодня с туфлями и украшениями прислал в подарок через друзей Шимшон. Посмотри, как оно на мне?

Батцион. *(Отрываясь от стола).* По-моему, прекрасно!

Мазаль. *(Напевая и танцуя вместе с Аснат в такт песне).* Обожаю Жасмин! До сих пор не могу забыть её чудесный концерт в Тель-Авиве. А как красиво названа программа – «Перепишу любовь»! Как будто для меня и Шимшона. Спасибо ему, что достал билеты!

Аснат. Я помню этот концерт. Такого моря удовольствия я никогда не получала!

Мазаль. Ну, как я смотрюсь в свадебном наряде?

Батцион *(Обходя Мазаль и слегка поправляя ей платье).* Великолепно, дочка! Такое впечатление, что свадебное платье сшито специально для тебя по заказу!

Аснат. *(Тожже обходя вокруг Мазаль).* Молодец Шимшон! Точно угадал твой размер! А какие чудные серьги, золотую цепочку с Маген Давидом и браслеты он тебе подарил! Просто прелесть! Ты в них выглядишь, как английская принцесса!

Мазаль. *(Поправляя на шее цепочку с Маген Давидом).* Почему английская? Еврейская!

Батцион. А если более точно, как наша, горско-еврейская принцесса! *(Снова обходя Мазаль)*. Ну, дочка, в этом свадебном платье тебя не узнать! Сидит на тебе превосходно! *(Смотрит на часы)*. Ой! Уже три часа! Самолёт из Нью-Йорка с отцом ещё час назад должен был приземлиться в аэропорту Бен Гурион! Значит, Моше с минуты на минуту должен привезти его на машине. Побегу на кухню, посмотрю, готовы ли хинкал и дулма. Это любимые блюда отца! Дел у меня уйма, даже почесаться некогда! *(Забегает с террасы в дом)*.

Мазаль. Я так хочу повидать дедушку! Последний раз его видела, когда была ещё девочкой, и мне было 14 лет. Он с тетей Беллой и ее семьёй уехал из Дербента в Америку, а мы с мамой и папой чуть позже сюда, в Израиль.

Аснат. Вот как!

Мазаль. А теперь надо примерить туфли *(Достаёт из коробки туфли, садится на стул и надевает их)*. Как я в них смотрюсь?

Аснат. *(С восхищением)*. О таких туфлях можно только мечтать! Перламутровые и на высоких каблукках! Не жмут ли?

Мазаль. *(Проходя по террасе)*. Нет, ни сколько. В самый раз. Шимшон снова точно угадал мой размер!

Аснат. Какой он у тебя славный!

Мазаль. Да, парень, что надо! Я в него безумно влюблена!

Аснат. И он в тебя тоже?

Мазаль. Спрашиваешь! Ещё как!

Батцион. *(Запыхавшись, вбегает на террасу)*. Ну вот, дулма уже готова, а хинкал доваривается.

Мазаль. Мама, ты ещё туфли не видела. Посмотри, как они мне подходят!

Батцион. *(Разводя в восторге руки)*. Вот это туфли! В них не стыдно появиться и на королевской свадьбе! Кажется, даже лучше, чем те, которые принц подарил Золушке!

Аснат. Наверняка! А когда в день свадьбы, дорогая Мазаль, тебе в салоне красоты сделают причёску и макияж, красивей тебя не будет на всём белом свете! Да, твой Шимшон одарил тебя славно!

Батцион. Верно! Это не парень, а чистое золото! И вижу, дочка, что умирает от любви к тебе!

Мазаль. *(Улыбаясь)*. Иначе я не пошла бы за него замуж! Но и мы лицом в грязь не ударили. Шимшон сказал, что он в восторге от

наших подарков, особенно от белого костюма, в котором он будет на свадьбе.

Батцион. *(Смотрит на часы).* Однако времени в обрез. Надо готовить стол на террасе. Поможешь мне, дочка?

Мазаль. Конечно, мама. Только вот платье, украшения и туфли сниму.

Батцион. Только прошу поскорее, и выключи музыку! *(Забегает с террасы в дом).*

Мазаль. *(Садится на стул и снимает туфли).* Я мигом! Не хочется снимать такие чудесные туфли, а надо!

Аснат. Знаешь, Мазаль, я тебе по-хорошему завидую!

Мазаль. Я тебя понимаю, Аснат. Но у тебя ведь есть дружок?

Аснат. *(Кивая головой).* Есть.

Мазаль. Так в чём дело? Тоже сыграешь свадьбу!

Аснат. Дай Бог!

Мазаль. *(Вставая со стула и кладя туфли в коробку).* Помоги мне, дорогая, снять украшения. Теперь пусть лежат до свадьбы! *(Снимает с себя украшения).* А где коробка для них?

Аснат. *(Помогает Мазаль снимать украшения).* Вот здесь! *(Кладёт украшения в коробку).*

Мазаль. Спасибо, милая!

Аснат. Может, я пойду домой?

Мазаль. Аснат, знаешь что, оставайся с нами на обед!

Аснат. А удобно ли?

Мазаль. Что за вопрос? Неудобно только спать на потолке, одеяло падает! Заодно на моего деда посмотришь!

Аснат. Ну, если ты так просишь, я останусь!

Мазаль. Это уже другое дело *(Целует Аснат).* Надо срочно переодеваться и идти помогать маме. Но сначала выключим музыку.

Прежде чем выключить диск, Мазаль и Аснат снова подпевают и пританцовывают под песню Жасмин, после чего уходят с террасы в дом. На террасу с салатами входит Батцион, а затем появляются переодетая Мазаль и Аснат.

Батцион. Наконец, девочка, ты подошла. Я уже совсем запыхалась!

Мазаль. Мама, ты не против, если Аснат останется с нами на обед?

Батцион. Конечно, нет! Еды у меня на десять, а то и больше человек хватит!

Аснат. Я готова вам помочь.

Батцион. Спасибо. На кухне стоит чистая посуда. Принесите её с ложками, вилками и ножами. А потом нарежьте и принесите лаваш.

Мазаль. Всё будет сделано, мама! *(Уходит с Аснат за посудой).*

Слышен шум остановившейся у дома машины. В калитку входят Моше, несущий в правой руке большой чемодан, и Хаим, одетый в дорожный американский костюм и везущий за собой сумку на колёсах.

Моше. *(Проходя во двор).* Вот и наш дом, Хаим. Прошу, проходи, вперёд! *(Кричит).* Жена! Батцион! Встречай дорогого гостя!

Батцион. *(Выбегает с террасы во двор на встречу отцу, обнимает и целует его).* Здравствуй, родной! Я так рада видеть тебя! Кажется, не виделись сто лет! *(Чуть не плачет).*

Хаим. *(Растроганный встречей).* Здравствуй, родная! Я так соскучился по тебе! Только зачем плакать? Радоваться надо!

Батцион. *(Вытирая слёзы).* Это я от радости плачу. Всё-таки прошло столько лет!

Хаим. Ну, предположим, не сто, а семь лет, точно прошло.

Батцион. Скажи, как себя чувствуешь после дороги?

Хаим. Чувствую себя вполне сносно, если учесть, что дорога весьма дальняя: двенадцать часов лёта из Америки!

Мазаль, выбежавшая во двор вместе с Аснат, подходит к Хаиму.

Моше. Хаим, узнаёшь, кто это?

Хаим. Это не внучка ли моя Мазаль?

Моше. Именно она!

Мазаль. *(Обнимая и целуя Хаима).* Здравствуй, дорогой дедушка! Я так хотела видеть тебя!

Хаим. *(Целуя Мазаль).* Здравствуй, моя милая внучка! Какой большой ты стала! Как подросла за семь лет! Ну настоящая невеста

и красавица! И так похожа на мою покойную жену и твою бабушку Хану! *(Вздыхает)*. Уже два года, как её нет в живых. Да будет благословенна её память! *(Вытирает набежавшие слёзы)*. Ну ладно, не будем грустить! Погуляем через неделю на твоей свадьбе! Где горе – грусти, где радость – веселись!

Батцион. Мы до твоего приезда, отец, примеряли на Мазаль свадебное платье, присланное в подарок женихом.

Хаим. Ну и как?

Батцион. Она в нём великолепна! Как будто сшито на неё!

Моше. *(С гордостью)*. Дочка моя – красавица, что надо! Сразу видна ювелирная работа!

Хаим. Молодец, Моше! Но часть моей работы тоже есть!

Всеобщий смех

Мазаль. *(Представляя Аснат)* Знакомься, дедушка. Это Аснат, моя самая близкая подруга.

Хаим. Приятно познакомиться с твоей самой близкой подругой. *(Протягивая руку)*. Хаим, дед Мазаль.

Аснат. *(Протягивая руку)*. Мне тоже приятно. Аснат.

Батцион. Заходи, родной, в дом. Отдохни с дороги!

Моше. Жена, прежде всего надо дать нашему гостю попить! Вон жара какая!

Батцион. Ты прав. Мазаль, дорогая, принеси, пожалуйста, бутылку кока-колы и стаканы. А ты, отец, пока присядь с Моше здесь за столик под тенью.

Хаим и Моше садятся на плетёные стулья возле столика.

Мазаль. Я мигом! *(Бежит в дом и возвращается с бутылкой кока-колы и стаканами на подносе)*. Вот, пей, дорогой дедушка! И ты, папа, тоже попей с дороги. *(Наливает в стаканы кока-колу и подаёт Хаиму и Моше)*. Прямо из холодильника!

Хаим. *(Пьёт кока-колу)*. Спасибо, внучка! Скажу, кока-кола чудная! Не хуже, чем в Америке!

Моше. Да, в такую жару приятно выпить прохладительный напиток. К тому же сегодня хамсин!

Хаим. А что это такое?

Мазаль. Это, дедушка, когда особенно жарко и безветренно. Мама, ты тоже попей, и ты, Аснат! *(Наливает и подаёт им стаканы).*

Батцион. Спасибо, Мазаль. Но ты себя тоже не забудь!

Мазаль. А как же! Но себе в последнюю очередь! *(Наливает стакан и пьёт).*

Хаим. Да, жара у вас невыносимая! Как в русской бане! И всё-таки я бесконечно рад, что, наконец, в Израиле и могу ступить по этой святой земле! Скажу, что когда мы с Моше ехали к вам из аэропорта, то из окна машины эта страна показалась мне такой красивой и ухоженной!

Мазаль. Мы надеемся, дедушка, что когда ты у нас поживёшь, она покажется тебе ещё прекраснее!

Хаим. Я в этом не сомневаюсь! Исполнилась моя мечта: увидеть Землю Обетованную, где жили наши далёкие предки! Однако, чего я сижу в пиджаке, когда не улице такое пекло? *(Снимает с себя дорожный тиджак и протягивает его Батцион).* Возьми, дочка, и повесь куда-нибудь.

Батцион. *(Принимая тиджак).* Пойдём, отец, на террасу. Там не так жарко, как во дворе. И вентилятор есть.

Хаим. О'кей! Предложение принимается!

Батцион. Моше, занеси вещи отца домой.

Моше. Я как раз и собирался это сделать. *(Берёт в одну руку чемодан, в другую сумку на колёсах и направляется в дом).*

Хаим. Только чемодан, родной. Сумка может понадобиться. Пусть останется здесь, на террасе.

Моше уносит в дом чемодан и возвращается на террасу, куда в незанятую столом половину уже перешли Хаим, Батцион, Мазаль и Аснат.

Хаим. Да, здесь, на террасе, намного приятнее. А где мой внук Шауль и другая внучка Лея?

Батцион. Наш мальчик Шауль недавно поступил учиться в ешиву у нас в городе. Скоро должен придти домой на обед.

Моше. Да, сын наш, что надо! Умный, прилежный мальчик. Захотел изучать Тору. Вначале я был этому не очень рад. Хотел, чтобы он

занимался более полезным делом. Например, медициной.

Батцион. Я тоже вначале была против, но Шауль настоял на своём. Тогда мы с Моше после разговора с его равом Давидом согласились.

Хаим. Скажу, что правильно сделали. И нисколько не жалеете об этом! У каждого человека своя дорога в жизни. Значит, Шауль избрал путь служения Богу. Ведь кто-то должен служить Всевышнему! А где ваша вторая дочь Лея?

Моше. Лея? Она служит в армии. Как раз по медицинской части. Но на свадьбу её обязательно отпустят.

Хаим. Значит, увидимся с ней на свадьбе!

Батцион. Лея очень хочет стать врачом. Дай Бог, чтобы она после армии поступила на медицинский факультет. Если не Шауль, то пусть она оправдает наши надежды!

Мазаль. Моя сестричка обязательно поступит! Я в этом не сомневаюсь! Она мыслящая, трудолюбивая и настойчивая.

Аснат. Полностью согласна с Мазаль. Лея действительно умная и старательная девочка.

Хаим. Ещё раз скажу, как я рад видеть вас, мои родные. Но я чувствую себя перед вами немного виноватым. Семь долгих лет мы не виделись с тех пор, как разъехались из Дербента в разные стороны. Правда, у меня есть серьёзная причина: долгая болезнь и смерть от рака любимой жены. Да будет память о ней вечна.

Моше, Батцион, Мазаль, Аснат. Пусть будет память о ней вечна.

Хаим. (После некоторого молчания). И всё же дождался радостного дня, и благодаря твоей свадьбе, дорогая внучка, мы снова встретились! Кстати, очень хотел бы повидать твоего жениха. Как его имя?

Мазаль. Шимшон, дедушка.

Хаим. О, это имя звучит! Так звали нашего еврейского героя-богатыря в древности. Нельзя ли его сейчас пригласить к нам? Мы бы тогда и познакомились.

Батцион. Почему бы и нет? Шимшон славный жених. Какое чудное свадебное платье, золотые украшения и туфли он подарил Мазаль! Позвони ему, дочка. Пусть приходит с мамой и братишкой к нам на обед.

Хаим. Заодно познакомлюсь и с его родней. Сколько его братишке лет?

Мазаль. Тринадцать. У него ещё и сестра есть, Галя. Она служит сейчас, как и моя сестричка, в армии.

Хаим. *(С удивлением).* Вот как! Значит, у вас в армии одни девушки ки служат?

Аснат. В Израиле всеобщая воинская повинность. Служат и парни, и девочки.

Хаим. Я пошутил. Понимаю, что без мужчин армия не армия.

Мазаль. *(Вытаскивает из кармана телефон и набирает номер).* Шимшон? Привет, милый. Ты ещё на работе? Только что мой дедушка прилетел из Америки. Хочет познакомиться с тобой. Приходи к нам на обед с мамой и братиком. Не успеваешь? Тогда приходите к нам позже, к чаю. Целую. Бай! *(Выключает телефон и кладёт его обратно в карман).* Ну вот, позвонила. Шимшон передаёт тебе, дедушка, и всем большой привет. Он ещё на работе, заканчивает смену, к обеду не успевает, но обязательно будет с мамой и братишкой к чаю.

Хаим. О'кей! А где он работает, если не секрет?

Мазаль. В гараже. Так у нас называется автомастерская. Ремонтирует машины.

Хаим. Тоже нужное дело. Машина любит, чтобы за ней смотрели.

Батцион. Что-то нашего Шауля не видно. Позвони ему, дочка, узнай, в чём дело?

Мазаль. Сейчас, мама. Я тоже беспокоюсь. *(Снова вытаскивает из кармана телефон и набирает номер).* Алё! Шауль? Привет, братик. Где ты? *(Слушает).* Понятно. Наш дедушка уже в Израиле! Мы все ждём тебя на обед. Поторопись, пожалуйста! *(Выключает телефон и кладёт его в карман).* Шауль уже в пути. Должен быть с минуты на минуту. После занятий в ешиве он задержался, чтобы что-то спросить у рава Давида.

Хаим. О'кей! Значит, сейчас мы его увидим!

Аснат. Это такой милый мальчик, тихий и богобоязненный.

Моше. Однако, дорогие, пора нам садиться за стол. *(Смотрит на часы).* Скоро мне надо ехать на работу.

Батцион. Стол уже готов. *(Показывает на накрытый стол).* Приглашаю, родные, вас к столу. Ты, папочка, конечно, устал и про-

голодался с дороги. К твоему приезду я приготовила твои любимые блюда – хинкал и дулму!

Хаим. Спасибо, родная. С удовольствием отведаю наши национальные блюда, тем более в твоём приготовлении.

Батцион. Может, отец, ты хочешь с дороги оглоснуться под душем?

Хаим. Хотелось бы, но сполоснусь потом. Моше и так торопится на работу. А вот сполоснуть руки не помешало бы.

Батцион. Моше, проводи папу. А мы тем временем закончим с Мазаль и Аснат накрывать на стол. *(Начинает суетиться возле стола и давать команды Мазаль и Аснат).*

Моше. Идём, Хаим. Покажу, что где у нас есть. *(Проходят в дом).*

В это время калитка открывается, во двор входит Шауль, одетый в чёрный костюм и шляпу учащегося ешивы, и быстрым шагом направляется в сторону террасы.

Мазаль. Я слышу, что пришёл Шауль! *(Выскакивает с террасы во двор, подбегает к брату и целует его).* Наконец, Шаульчик! Мы тебя заждались. Идём на террасу. А то мама уже волнуется, где ты?

Шауль. *(Проходя с Мазаль на террасу).* Я уже здесь, дома, и ничего со мной не случилось. Добрый день, мамочка.

Батцион. *(Целует сына).* Добрый день, дорогой сынок. Ты заставил меня немного поволноваться.

Шауль. Добрый день, Аснат.

Аснат. Добрый день, Шауль.

Шауль. *(Оглядываясь).* А где наш дедушка и папа?

Хаим. *(Выходя с моше из дома на террасу).* А мы вот здесь, на террасе. *(Закладывает Шауля в объятия и целует его).* Здравствуй, родной внучек! Неужели я так изменился, что ты не узнаёшь своего дедушку?

Шауль. *(Смущаясь).* Узнал. Дедушка Хаим, здравствуйте!

Хаим. А я помню тебя по Дербенту таким мальчуганом! *(показывает рукой на метр от пола)* Ну и шалунишкой ты был тогда!

Шауль. Теперь я совсем другой. Учусь в ешиве.

Хаим. Знаю. Знаю про тебя всё. А ты ещё с отцом не поздоровался.

Шауль. Здравствуй, папа. Рад тебя видеть. *(Обнимает Моше).*

Моше. Я тоже рад тебя видеть, Шауль. Появился вовремя. Прямо к обеду.

Батцион. Ну а теперь, мои дорогие, приглашаю вас всех к столу! Отец, для тебя самое почётное место!

Хаим. *(Садясь во главе стола).* Спасибо, родная. Чувствую, что аппетит у меня разыгрался не на шутку. В самолёте нас, конечно, кормили, но когда это было?

Батцион. Садитесь за стол, Моше, Мазаль, Шауль, Аснат.

Аснат. Я сяду рядом с Мазаль.

Шауль. Мама, а я пойду помою перед едой руки. *(Уходит в дом).*

Моше. *(Садясь за стол).* Молодец, жена! Стол сделала, что надо! Хвалю тебя! Воистину: жена – свет и опора семьи!

Батцион. А муж – крыша жены!

Хсим. Да, скажу, стол отменный! *(Смотрит на часы).* У меня на часах полдевятого утра по нью-йоркскому времени. А в Израиле сколько?

Мазаль. Половина четвёртого, дедушка.

Хаим. О'кей! Переведём часы на израильское время. В Нью-Йорке в это время завтрак, а у вас обед.

Шауль. *(Возвращаясь на террасу).* Где я могу сесть, мама?

Батцион. Садись где хочешь, сынок. Возле отца свободное место.

Шауль. *(Садясь за стол рядом с отцом).* Я должен прочитать молитву перед едой. *(Быстрым шёпотом читает молитву).*

Батцион. *(Садясь последней за стол).* Ну вот, наконец, мы все вместе собрались за столом.

Моше. *(Смотрит на часы).* Времени в обрез. Я скоро должен ехать на работу. Начнём мы когда-нибудь есть?

Хаим. Моше прав. Пора приступать к еде.

Батцион. Прошу, дорогие, накладывайте в свои тарелки еду. На столе всего вдоволь: разные салаты, зелень, рыбка, грибы, острые приправы. А потом будет хинкал! Отец, поухаживать за тобой?

Хаим. Зачем? Я не девушка, чтобы за мной ухаживать. *(Все смеются).* Привык к самообслуживанию. А вот попрошу Моше раз-

лить вино. У нас есть повод, чтобы выпить. Вино делает радостной жизнь.

Моше. С большим удовольствием. *(Встаёт, открывает бутылку и разливает вино по бокалам).* Это «Царь Давид»! Наше прекрасное израильское вино. То, что надо!

Хаим. Израильское? Надо непременно попробовать.

Батцион. Себе, дорогой Моше, чуть-чуть. Ты же за рулём!

Моше. Ты права, жена. Я свою норму знаю. Ну что, на правах хозяина хочу произнести первый тост. Хаим, не возражаешь?

Хаим. Ни сколько. Говори, Моше. Мы внимательно слушаем.

Моше. Я хочу сказать этот тост за нашу долгожданную встречу и за то, чтобы никогда не прерывались наши родственные и семейные связи!

Все дружно чокаются и выпивают вино.

Хаим. О'кей! Вино действительно чудное и в моём вкусе. Я бы его пил всю жизнь. А теперь, думаю, можно было бы включить музыку. Без нашей горской музыки и обед не обед. Особенно люблю песни Ефрема Амирамова. Скажу, уж больно хватают они за душу. Не думайте, что, живя в Америке, я совсем американизировался. По-английски так и не научился разговаривать. Пока выговоришь их слова, язык сломаешь. Ну «хау ду ю ду» или «гуд монинг» ещё можно сказать. А зачем мне английский, если я могу говорить с земляками на родном горско-еврейском? Ведь у нас в Нью-Йорке целая колония горских евреев со всех мест Кавказа. Есть свои синагоги, клубы, магазины, рестораны, даже своя газета. Ну как, милая внучка, есть у вас диск с Амирамовым?

Мазаль. *(Вскакивает из-за стола).* Конечно, есть, дедушка. Сейчас я мигом сбегаю за ним. *(Убегает в дом и через несколько секунд возвращается, держа в руках диск).* Вот и диск с Амирамовым. Сейчас включим.

Батцион. Подожди, дочка. Настало время попробовать мой хинкал. Пойду, подогрею его, а вы пока приготовьте чистые тарелки. У каждого стоят на столе. *(уходит на кухню)*

Мазаль включает на диск с песнями Амирамова. Все молча слу-

шают первую песню. Батцион возвращается на террасу с большой кастрюлей. Музыка становится тише.

Хаим. *(Вытирает глаза платком).* Не могу без слёз слушать песни Амирамова. Как берут за сердце! Наградил же его Бог талантом!

Батцион. Вот, дорогие мои, и хинкал. Разливаю по тарелкам. Будьте осторожны. Очень горячо. Первая тарелка отцу. *(Наливает хинкал).* Вторая – Моше. Сынок, тебе, дочка, тебе, Аснат, тебе, Ну и себе в последнюю очередь. *(Кончает разливать суп и садится за стол).* Кто захочет ещё, можно добавить. На столе наш хлеб лаваш, разные закуски. Кушайте на здоровье!

Хаим. *(Ест хинкал).* Ну, родная, ты постаралась! Скажу, такой вкусный хинкал я сто лет не ел!

Батцион. *(Также ест хинкал).* Я рада, что ты доволен. Значит, не зря старалась. Надо сказать ещё один тост. Моше, разлей вино, пожалуйста, но себе чуть-чуть.

Моше. *(Вставая и разливая всем в бокалы вино).* Не беспокойся, жена. Пьяным не буду. Наверное, Хаим что-то хочет сказать нам.

Хаим. *(Встаёт, держа бокал с вином в правой руке).* Ну что, родные мои, мне в самом деле есть, что сказать вам. За нашу встречу мы уже выпили. Так вот, этот тост я предлагаю выпить за то, чтобы мы никогда не забывали, что мы – горские евреи! Пусть будут ваши дни радостными, а жизнь – длиннее! *(Чкается со всеми, выпивает вино и садится за стол).*

Моше. Прекрасный тост! Ты, Хаим, как был, так и остался патриотом нашего народа! За горско-еврейский народ! *(Допивает остаток вина).*

Шауль. Дедушка! Я с радостью поддерживаю твой тост и пью за горско-еврейский народ, но с небольшим дополнением – как за часть всего еврейского народа. Ведь Бог у нас один. *(выпивает вино)*

Хаим. О'кей! Я с тобой согласен, дорогой Шауль. Твоё дополнение существенно!

Батцион. Родной, я полностью присоединяюсь к твоему тосту. Мы не должны забывать, что мы – горские евреи! Лехаим! *(Выпивает вино).* Кто желает ещё хинкал? Кому добавить? Моше, тебе долить?

Моше. *(Смотрит на часы).* Нет, дорогая, времени в обрез. Через десять минут надо бежать на работу. Ты говорила, что у тебя ещё есть дулма. Так вот, я её отдаю и буду собираться.

Батцион. Ты прав. Сейчас я схожу за дулмой. *(Уходит на кухню).*

Хаим. Жаль, Моше, что тебе надо убегать. А то бы посидели, по-калякали про наше и ваше житьё-бытьё.

Мазаль. *(Хаиму).* Папа «шомером» работает, то есть охранником, в каньоне. Так у нас называют большущие торговые центры.

Хаим. Да, он говорил мне об этом по дороге из аэропорта.

Моше. Я у входа проверяю, чтобы в каньон не входили с оружием. Приходится тщательно осматривать каждую сумку. Сколько этих сумок, чемоданов, авосек я перепотрошил за годы своей работы!

Хаим. Жаль, Моше, что ты работаешь не по своей специальности.

Моше. А кто в Израиле из репатриантов работает по своей профессии? Единицы! Там, в Дербенте, в своей прошлой жизни я был инженером железнодорожного транспорта. Занимался ремонтом и строительством новых путей. Был всеми уважаемым человеком, получал премии, награды, грамоты, тринадцатую зарплату. А здесь, в Израиле, железнодорожная сеть есть, но не развита, и её не очень то-ропятся расширять. Вот и приходится менять профессию, начинать жизнь с нуля – заниматься не своим делом. Даже имя поменял: Там был Мушзил, здесь стал Моше!

Хаим. Платят хоть хорошо?

Моше. Какое хорошо! Минимум за час работы! И то четверть зарплаты уходит на содержание машины – страховку, ремонт, бензин и прочее. А без неё, как говорится, ни туды и ни сюды. Да и благодаря машине определённый уровень жизни имеешь. Сел и поехал, куда хочешь: хоть на море, хоть на Кинерет.

Хаим. Это верно, скажу я тебе. А машина твоя, пусть и не «Мерседес», но вполне приличная.

Моше. Да, японская фирма «Субару». В Израиле одна из самых популярных. Надёжная и вид приятный. Ради неё стоит вкалывать.

Хаим. Да, не бывает розы без шипов, а достатка без трудов.

Батцион. *(Занося на террасу большую кастрюлю с дулмой).* Вот и дулма! Сделана из листьев винограда из нашего сада! Будем менять тарелки, или положить в те же?

Хаим. Можно в те же, родная. (*К Моше*). А сад у вас большой?

Моше. Не очень. Если бы не спешил на работу, показал бы. Земля отличная, растёт почти всё. Люблю в свободное время повозиться в земле. На Шавуот поспел виноград. Обязательно отведай. Скоро появятся персики и абрикосы.

Хаим. Гордость садовника – сад, а красавицы – её красота!

Моше. В пословице слов мало, а ума много.

Батцион. (*Раскладывая дулму*). Кушайте на здоровье! Есть острая приправа.

Хаим. (*Пробуя дулму*). Спасибо, дорогая. С приправой ещё вкуснее. Мы же с Кавказа!

Моше. (*Смотрит на часы*). Молодец, жена. Очень вкусно, но нет больше времени. Надо ехать. (*Встаёт из-за стола*).

Хаим. Моше, дорогой, подожди минуточку! Чуть не забыл про главное! (*Встаёт и вынимает из дорожной сумки красивую сорочку в американской упаковке и золотые запонки к ней*). Это мой подарок тебе. Оденешь в день свадьбы моей внучки.

Моше. (*Принимая подарок*). Спасибо, тебе Хаим, за подарок. Сорочка очень красивая. А размер мой?

Хаим. Сорок третий.

Моше. Точно мой! Как ты угадал, дорогой?

Хаим. (*Улыбаясь, смотрит на Батцион*). Плох тот тесть, который не знает размера сорочки своего зятя.

Мазаль. Ну, папа, ты в этой сорочке будешь блистать на моей свадьбе.

Моше. К сожалению, я очень спешу. Нет времени примерить. Положу пока в шкаф, а после работы примерю. А мне пора переодеться. (*Уходит в дом*).

Батцион. Хорошо, Моше. А подарок великолепный!

Хаим. У меня для всех есть подарки!

Моше. (*Выходя из дома на террасу в форме охранника с оружием в кабуре на поясе и сумкой на плече*). Ну вот, я готов. Бай, мои родные. Вернусь, как всегда, поздно вечером.

Батцион. Ты ничего не забыл, Моше? Взял воду, бутерброды?

Моше. Не забыл. (*Показывает на кабуру с оружием*). При мне есть самое главное – пушка! (*Подходит к Хаиму и обнимает его*).

Бай, дорогой Хаим. Наверное, увидимся только завтра. *(Выходит с террасы во двор и направляется к калитке).*

Хаим. *(Выходит с Моше во двор и провожает его до калитки).* Пока, дорогой Моше. Желаю, чтобы пушка тебе сегодня не понадобилась. Скажи мне только одно: можно жить в Израиле?

Моше. *(Не сразу).* Можно и ... нужно! Если не мы, так наши дети выйдут здесь в люди. Труд родителей – для детей.

Хаим. О'кей!

Моше открывает калитку, выходит и закрывает её за собой, махнув рукой Хаиму. Вскоре слышится шум заведённого мотора и удаляющейся машины. Хаим возвращается на террасу.

Хаим. *(С грустью в голосе).* Вот и проводили хорошего человека.

Батцион. Предлагаю до прихода гостей поесть винограда из нашего сада. Аснат, милая, может ты, пока мы с Мазаль прибираем со стола, поможешь собрать виноград? Миска на столе в кухне. В ящике стола лежат ножницы.

Аснат. Конечно, помогу. Я люблю собирать виноградные гроздья. *(Убегает в дом из которого выходит с миской и ножницами).*

Хаим. А мы пока с Шаулем прогуляемся по двору. Надо немного размяться после сидения. Молодой человек, составишь мне компанию?

Шауль. *(Улыбаясь).* С большой радостью, дедушка с вами пообщаюсь! *(Проходит вместе с Хаимом во двор).*

Хаим. Скажи, Шауль, как идёт учёба в ешиве?

Шауль. Не очень легко, но я доволен, что учусь там.

Аснат. *(остановившись с виноградом рядом с Хаимом и Шаулем)* А мне вот не понятно, как это неверующий с детства человек вдруг стал религиозным?

Шауль. Это не вдруг. Я постепенно пришёл к мысли, что моё призвание – изучение Торы.

Хаим. Ты сам к этому пришёл, или кто-то тебя подтолкнул?

Шауль. И так, и так. В нашей синагоге я познакомился с равом

Давидом и стал спрашивать его о том, что мне не понятно. Он хорошо объяснял мне и начал давать разные книжки по иудаизму. А после того, как я совершил тшуву, посоветовал мне поступать в ешиву.

Хаим. О'кей! Одобряю твоё решение. Неверующих в нашем мире ещё хватает! Да и сами мы родом из страны воинственного атеизма, где нам с колыбели вбивали в мозги, что Бога нет. Нелегко было заново придти к нашей вере.

Аснат. (*Втавит миску с виноградом на стол.*). А в чём, Шауль, ты видишь доказательство того, что Бог есть?

Шауль. Доказательство простое. Оно в том, что существует этот мир, который кто-то должен был создать. И этот кто-то есть ни кто иной, как Бог – Бог еврейского народа.

Хаим. Прислушайся к словам мудреца, Аснат.

Аснат. (*Смеётся*). Какой же он мудрец? Ему и семнадцати лет нет!

Хаим. Ум заключается не в возрасте, а в голове. Сын мудрый радуется отцу, а сын глупый – огорчение его матери. И, как говорил наш великий царь и мудрец Соломон, сын мой, храни заповедь отца твоего и не отказывайся от учения матери своей. А мы, горцы, добавляем: песни и наставления своих матерей никогда не забывай!

Шауль. Я к этому буду стремиться всю жизнь, дедушка.

Хаим. А ты в ешиве, дорогой, весь день занимаешься изучением Торы?

Шауль. (*Смуцаясь*). Почти весь день.

Аснат. Существует мнение, что Тору написали наши еврейские мудрецы в древние времена.

Шауль. Это чушь настоящая, которую придумали атеисты-безбожники. Совсем недавно мы праздновали Шавуот – праздник дарования Торы. В тот день – 6 Сивана по еврейскому календарю произошло событие поистине космического масштаба: Бог через величайшего вождя нашего народа Моисея на горе Синай даровал еврейскому народу Тору и Скрижали завета с десятью заповедями.

Хаим. Верно. И в чём с тех пор состоит предназначение еврейского народа?

Шауль. Выполнять данные нам свыше заповеди и нести Божественный свет всему миру!

Хаим. Верно! Именно так заканчивает свой «Экклезиаст» наш великий мудрец Соломон: Бога бойся и соблюдай его заповеди, потому что в этом – вся суть человека!

Аснат. И сколько времени, Шауль, ты думаешь изучать Тору?

Шауль. Всю жизнь.

Аснат. Всю жизнь?

Хаим. Могу подтвердить, что это так. Я знаю в Нью-Йорке ешшвы, где Тору изучают всю жизнь, и, скажу вам, вначале этому сильно удивлялся.

Аснат. Мне это тоже кажется очень странным. Ведь Тору можно прочитать за одну неделю.

Шауль. Аснат, ты ничего не понимаешь! Одно дело – читать, другое дело – изучать.

Хаим. И всё-таки, дорогой Шауль, объясни нам. Евреи уже в течение трёх тысячелетий изучают Тору. Сколько же можно изучать?

Шауль. Изучение Торы – процесс бесконечный. Недаром наши мудрецы говорят, что у Торы семьдесят ликов. Каждый раз она открывается нам с новой стороны. А ещё нашу Тору называют Древом жизни.

Хаим. Поистине так! Под сенью мудрости, как под сенью серебра: мудрость сохраняет жизнь владеющего ею! Это сказал не я, а наш великий Соломон!

Аснат. И всё-таки, я не представляю себе, как можно всю жизнь изучать Тору?

Хаим. Значит, можно. Ибо мудрые наследуют почёт, а глупых уносит бесчестие!

Аснат. Понятно... Ой, забыла отнести виноград! (*Берёт со стола миску с виноградом*).

Батцион. (*Выходит с террасы во двор вместе с Мазаль*). Отец, как себя чувствуешь, родной?

Хаим. О'кей, дорогая Батцион!

Батцион. Приглашаю тебя, Шауля и Аснат снова на террасу к столу. Там ждут вас напитки, соки, фрукты.

Мазаль. Дедушка, стол уже накрыт. Осталось только виноград положить. Спасибо, Аснат, за помощь. Дай мне миску, пойду сполосну виноград, а ты присоединяйся к нам за столом.

Аснат. *(Передавая миску Мазаль).* Вот, Мазаль. Я старалась отбирать самый лучший и спелый.

Мазаль. *(Принимая миску и направляясь к дому).* И ты прекрасно справились с этой задачей!

Хаим, Батцион, Шауль и Аснат проходят на террасу и садятся за стол, заставленный напитками, соками, стаканами, фруктами и разными плодами. Вскоре к ним присоединяется Мазаль с виноградом на большом блюде.

Батцион. Может, начнёшь, с нашего винограда?

Мазаль. *(Кладёт на тарелку Хаима гроздь винограда).* Кушайте на здоровье, дедушка.

Хаим. Спасибо, дорогая внучка. Вид у винограда превосходный. Но пока плод не попробуешь, вкуса не узнаешь. *(Берёт в рот несколько ягод).* Скажу вам, вкус отличный. В Америке, пожалуй, такого нет.

Шауль. *(Кладёт себе на тарелку гроздь винограда и читает молитву).* Это надо сказать спасибо папе, который умеет, с Божьей помощью, выращивать такой вкусный виноград.

Батцион. *(Кушая виноград).* Да, у моего Моше лежит душа к земле.

Мазаль. *(Кладя виноград в рот).* И главное, виноград созрел вовремя – к празднику Шавуот.

Аснат. *(Кушая виноград).* Тот самый, в который евреи получили Тору на горе Синай?

Шауль. Тот самый.

Хаим. Мы как раз только что имели с Шаулем интересную беседу на эту тему. Шауль уже пришёл к Богу, а мы ещё идём, и неизвестно, когда дойдём!

Шауль. У каждого человека свой путь к Богу: у кого короткий, у кого длинный. А Бог – он вечный Бог!

Хаим. Поистине так. Как говорил наш мудрый царь Соломон: «Если ухо твоё сделаешь внимательным к мудрости, то обретёшь познание о Боге. Ибо Господь даёт мудрость.

Аснат. *(Вставая из-за стола).* Ну, эта мудрость не для меня. Я

ещё не доросла до неё. *(Смотрит на часы)*. К тому же, мне надо идти домой. Родители ждут.

Хаим. Раз надо, значит, надо. Прощай, Аснат.

Батцион. До свидания, дорогая. Спасибо за помощь и компанию.

Шауль. До свидания, Аснат. И всё-таки подумай о нашем Творце!

Аснат. Ладно, подумаю. Бай, дорогие! *(Собирается идти к выходу)*.

Мазаль. *(Вставая из-за стола)*. Пойду провожу тебя, Аснат. *(Провожает Аснат до калитки, у которой они обнимаются и целуются, затем возвращается на террасу)*.

Батцион. Я согласна с тобой, дорогой отец: Шауль набирается мудрости от Господа. Кроме того, он приобщает нас к знаниям и заповедям иудейской религии, чтобы у нас дома всё было кошерно. Кушайте, милые, яблоки, груши.

Хаим. *(Откусывая яблоко)*. Всего попробуем, родная. Но что-то стало тихо. Где музыка?

Мазаль. Сейчас, дедушка. У нас, в Израиле, есть свои прекрасные горские голоса! Особенно я обожаю Яфу Яркони.

Батцион. Я тоже её очень люблю. Поставь её, дорогая.

Хаим. С радостью послушаю вашу прекрасную горскую певицу.

Шауль. И я не откажусь. Мне нравится, как она поёт.

Мазаль. Я мигом. *(Бежит в дом, вскоре возвращается с диском Яфы Яркони и тут же включает музыку)*.

Вначале музыка звучит громко, потом становится тише.

Хаим. *(С восторгом)*. Да, действительно, изумительный голос! .. Но я хотел бы перейти к подаркам. *(Пододвигает к себе дорожную сумку, вынимает из неё коробочку, перевязанную красивой ленточкой, и протягивает её Батцион)*. Сначала тебе, родная!

Батцион. *(Принимает подарок)* Что это, отец?

Хаим. Раскрой коробку и увидишь сама.

Батцион. *(Открывает коробочку и вынимает из неё кулон на золотой цепочке)*. Ой, отец, дорогой! Какой чудный подарок ты мне сделал! Как я благодарна тебе! *(Встаёт, обнимает и целует отца)*.

Хаим. С ним ты будешь блистать на свадьбе нашей Мазаль. *(Вынимает из сумки коробочку)*. А это, внучка, тебе от меня свадебный подарок.

Мазаль. *(Принимая подарок)*. Спасибо, дорогой дедушка. *(Целует Хаима)*. А что это?

Хаим. Открой коробочку и увидишь.

Мазаль. *(Открывает коробочку и вынимает из неё золотые часы)*. Да это же часы! Золотые! Какой щедрый подарок, дедушка! *(Ещё раз целует Хаима)*. Спасибо! *(Надевает часы на руку)*.

Хаим. Ну, я рад, внучка, что ты довольна. Это тебе намёк, что я часовых дел мастер с пятидесятилетним стажем! Про тебя, мой дорогой Шауль, я тоже не забыл. *(Вынимает из сумки коробку и протягивает её Шаулю)*. Держи, милый!

Шауль. *(Принимая подарок и открывая коробку)*. Спасибо за подарок, дедушка! Любопытно, что здесь? *(Вытаскивает из коробки чёрные мужские туфли)*. Да это же туфли, да ещё американские! *(Надевая туфли)*. А размер мой?

Хаим. *(Улыбаясь, смотрит на Батцион)*. Плох тот дед, который не знает размера обуви своих внуков! Ну как, подходят?

Шауль. *(Проходится по террасе)*. В самый раз, дедушка. Огромное спасибо! *(Подходит к Хаиму и обнимает его)*.

Хаим. О'кей, я рад, что туфли Шаулю нравятся. Ты в них тоже будешь на свадьбе нашей Мазаль.

Шауль. *(Снимая новые туфли и укладывая их в коробку)*. Пусть лежат в коробке до свадьбы. *(Встаёт с места)*. Дедушка, я чувствую себя немножко уставшим. Вы не против, если я у себя немного отдохну? Вы и так обо мне уже всё знаете.

Хаим. Конечно, не против. Если человек устал, он должен отдохнуть. *(Батцион)*. Так, родная?

Батцион. Конечно, так, отец. Иди, сынок, отдохни немного.

Шауль, взяв коробку с туфлями, уходит с террасы в дом.

Мазаль. *(Шаулю вдогонку)*. Только не проспи прихода гостей!

Хаим. *(Беря грушу в рот)*. А теперь, родные, хоть немножко расскажите о себе. Как вам живётся в Израиле? Хоть мы и переписыва-

лись, но редко, да и в письмах всего не расскажешь. Живу далеко, не видимся, но в сердце – всегда рядом.

Батцион. Ну что сказать тебе, отец? Грех жаловаться. Мы все немногу устроены. Самое главное, что нужно для жизни в Израиле, - это язык.

Хаим. Иврит?

Батцион. Да, иврит. У Моше он, к сожалению, не пошёл. А я иврит не сразу, но упорным трудом и с Божьей помощью освоила, но, видимо, не настолько, чтобы преподавать в израильской школе.

Хаим. Но ты же считалась в Дербенте одним из лучших учителей математики!

Батцион. Это в Дербенте. Там, как правильно сказал Моше, мы были уважаемыми людьми, красовались на Доске почёта, получали грамоты и премии. А здесь получить разрешение на преподавание в школе оказалось очень сложно. И тогда я, благодаря помощи Кавказской общины, окончила компьютерные курсы и была принята на работу кассиром в одном из супермаркетов в нашем городе. *(Улыбается)* Так что и здесь мне математика пригодилась. Да и получаю за работу неплохо, имею всякие льготы при покупке продуктов. Что ещё тебе сказать отец? Дом у нас есть, работа есть, машина есть и дети вырастут. А что ещё надо? Лишь бы дети нашли своё место в израильской жизни и были счастливы. Все наши труды для них. Вот и свадьбу дочки через неделю сыграем. Я уже договорилась о выходном на работе. Да и на сегодня выходной попросила, чтобы как надо принять тебя.

Мазаль. Знаешь, дедушка, маму уважают и ценят на работе.

Хаим. Я в этом не сомневаюсь, милая Мазаль. Будем считать, Батцион, что ты в Израиле устроилась неплохо. А вот Моше меньше повезло.

Мазаль. Дедушка, а я для тебя приготовила сюрприз. Я мигом! *(Убегает в дом и вскоре возвращается с большим предметом, завёрнутым в газету, и ставит его незаметно для Хаима на пол за своим стулом).*

Батцион. Да, Моше сильно переживает, что работает не по специальности, а охранником. Но, спасибо Всевышнему, что хоть такая работа есть. Ведь у нас, в Израиле, большая безработица.

Хаим. Также, как в Америке. Там безработных тоже хватает. Недаром наши горцы говорят: безработица – что пепел на голову.

Батцион. Правда, в начале нашей жизни в Израиле Моше сделал попытку заняться бизнесом. Взял ссуду в банке, открыл магазинчик для продажи воды, сигарет, газет, разных сладостей, но вскоре прогорел. То ли из-за конкуренции, то ли из-за отсутствия коммерческой жилки... Только в прошлом году закончили выплачивать долги с процентами банку. А вот его брату, Абраму, живущему в другом городе, повезло гораздо больше. Он также взял суду в банке и открыл мини-маркет, а при нём ещё пекарню для выпечки кавказского хлеба. И, представь себе, дела у него пошли хорошо, торговля идёт бойко, в его магазин валит народ. Вот что значит – иметь коммерческую жилку.

Хаим. Скажу, что ты права, родная. В таком деле, как бизнес, без коммерческой жилки делать нечего. Да и помощь Всевышнего (*смотрит наверх*) играет здесь не последнюю роль. Ну а теперь, ты дорогая Мазаль, расскажи немного о себе. Чем ты можешь похвастаться?

Батцион. О, Бог наградил её столькими талантами!

Хаим. Это какими?

Мазаль. Мама, может, я сама расскажу?

Батцион. Рассказывай, дочка. А дед послушает.

Звучит звонок телефона.

Мазаль. (*Вытаскивает из кармана телефон*). Это ты, милый? Хорошо, ждём вас. (*Убирает телефон*). Это Шимшон. Скоро будет у нас с мамой и братиком. Так вот, до армии параллельно со школой я закончила консерваторию по классу фортепиано. Обожаю музыку.

Хаим. Это мне нравится, дорогая. Сыграешь для меня «Турецкий марш» Моцарта?

Мазаль. Конечно, сыграю. Только не сейчас, бабушка, ведь ты устал с дороги.

Хаим. Так ты закончила консерваторию, внучка?

Мазаль. (*Смётся*). Консерватория в Израиле совсем не то, что в России. Здесь так называют музыкальную школу. Ну а затем армия. Я всегда мечтала летать, но в Израиле в лётные части деву-

шек не берут, и тогда я решила освоить парашют и окончила специальные курсы по укладыванию парашютов после прыжков. Это, дедушка, не такая простая работа, как кажется на первый взгляд. Здесь умение требуется и большое терпение.

Батцион. А терпение на иврите звучит как «савланут», и это слово мы часто слышали от израильтян, особенно в начале нашей жизни в Израиле. Действительно, натерпелись мы тогда! (*Машет рукой*). Ладно, чего там вспоминать.

Хаим. А тебе, внучка, удалось попрыгать с парашютом?

Мазаль. Удалось, даже несколько раз. С вертолётa «Апачи». Дедушка, ты слышал о нём?

Хаим. Как не слышал? Это лучший американский боевой вертолёт. Скажу, грозная машина! И не было страшно прыгать с парашютом?

Мазаль. Чего говорить, дедушка, конечно, страшно. Но зато какое счастье испытываешь, когда летишь, как птица, с неба на землю!

Хаим. Вот такая ты у меня храбрая! (*Прижимает к себе и целует Мазаль*). Хвалю тебя, дорогая! О'кей, а куда ты пошла после армии?

Мазаль. В педагогический колледж, дедушка. Решила стать, как и мама, учительницей, но преподавать не математику, а музыку в школе. Хочу прививать детям любовь к музыкальному искусству.

Хаим. Я одобряю твоё решение, внучка. Это хорошее решение. Скажи, а учёба в колледже дорогая? В Америке она стоит довольно дорого.

Мазаль. Да, дедушка, не дёшево. Но по окончании службы я получила от армии большой денежный подарок, который могу использовать на определённые цели. Вот я и решила отдать его на учёбу. Кроме того, мне оказывает помощь наше Министерство абсорбции как выходцу с Кавказа.

Хаим. Мне приятно, милая, что такая помощь оказывается. Желаю тебе успешно закончить колледж.

Мазаль. Спасибо, дедушка.

Батцион. Наша Мазаль, как и сынок Шауль, девочка старательная. Да и проблем с ивритом, как у нас, родителей, нет. Молодые схватывают язык быстро и легко.

Мазаль. Это так, дедушка.

Хаим. Что же, я очень рад, внушка. Но скажи, а наш горско-еврейский язык ты знаешь?

Мазаль. Конечно, благодаря маме, знаю. Но говорить на нём приходится мало, в основном, дома.

Хаим. Пусть и дома. Это тоже хорошо! Мы не должны забывать язык наших предков! Да, Мазаль, ты мне говорила про какой-то сюрприз.

Мазаль. *(Доставая из-под стула предмет, завёрнутый в газету).* И сейчас, дедушка, ты его получишь. Дело в том, что ещё до армии я увлеклась рисованием, а после армии стала посещать художественную студию в нашем доме культуры. Руководитель студии вроде доволен моими работами. Я люблю рисовать яркими, сочными красками и хочу подарить тебе, дедушка, одну из своих последних картин, которая называется «Стена плача».

Мазаль освобождает от газеты картину, показывает её, а потом протягивает Хаиму.

Мазаль. Я рада, дедушка, подарить её тебе.

Хаим. *(Принимая в руки картину).* Огромное спасибо, дорогая Мазаль. Какая чудная картина! Какие краски! О таком подарке можно только мечтать!

Батцион. Штучный товар. Теперь ты видишь, отец, как талантлива наша Мазаль и в музыке, и в живописи!

Хаим. Вижу, вижу! Молодец, внушка. Как я мечтаю побывать в Иерусалиме у Стены плача! Это ведь наша главная еврейская святыня. Так хочется притронуться к ней, поцеловать её, оставить записку с пожеланиями. Может, поедem с тобой завтра?

Мазаль. О'кей! А почему бы и нет? Завтрашний день у меня свободный. Мне будет приятно, дедушка, показать тебе Стену плача, так сказать, в натуре.

Хаим. А можно пока повесить картину здесь, на террасе?

Мазаль. Конечно, можно. На ней уже и верёвочка приготовлена. И гвоздик на стене найдётся. *(Встаёт на стул и вешает картину).*

Хаим. О'кей! Скажу, на расстоянии картина смотрится ещё лучше.

Батцион. А теперь, родной, расскажи хоть пару слов о себе. Как тебе живётся там, в Америке? Как там наши родные – сестра Белла, её муж Лазарь, мои племянники Иосиф и Авшалум, племянницы Дина и Аня?

Хаим. Во-первых, все живы-здоровы, шлют вам сердечный привет и обещают приехать за два дня до свадьбы Мазаль. Я-то приехал в Израиль на пять дней раньше, чтобы с вами побольше пообщаться и посмотреть страну.

Мазаль. Как я хочу скорее увидеть тётю Беллу, дядю Лазаря, своих двоюродных братьев Иосифа и Авшалума, сестричек Дину и Аню! Я ведь Анечку никогда не видела!

Хаим. Это понятно, ведь Аня – моя самая младшая внучка, родилась уже в Америке, и ей всего 6 лет. Мы живём, конечно, все вместе и, слава Богу, устроены. Белла и Лазарь работают, дочь – медсестрой в больнице, зять – служащим в фирме. Дети учатся и делают большие успехи.

Батцион. Ну а как ты, отец? Чем занимаешься в Америке?

Хаим. Это уже во-вторых. Ну что, получаю небольшую пенсию по старости, но на 700 долларов разве проживёшь? Вот и продолжаю трудиться часовщиком. Эта профессия как в Дербенте кормила, так и кормит там, в Нью-Йорке. Надо помогать дочери и зятю поднимать четверых детей. А я обожаю своих внуков и люблю их иногда баловать. Работаю в одной русской часовой мастерской, чтобы не платить налоги, нелегально, или, как говорят в Америке, на «кеш». Это мой маленький бизнес. Спасибо Всевышнему, что могу ещё видеть, да и заказчики есть. Иногда обращаются мои земляки из Дагестана. В общем, скажу: на жизнь хватает и даже откладывать что-то удаётся.

Батцион. Я рада слышать это, отец!

Мазаль. Я тоже, дедушка!

Раздаётся пение звонка.

Мазаль. *(Вскакивает с места).* Это Шимшон с мамой и братиком! Наконец-то! Надо выключить музыку! Бегу встречать гостей! *(Выключает диск с песнями Яфы Ярконтти бежит с террасы в направлении калитки).*

Через открытую калитку во двор входят Тамара, Шимшон и Алик. В руках Тамары пакет с большим шоколадным набором, в руках Шимшона два больших букета роз. С террасы во двор выходят Хаим и Батцион.

Мазаль. *(Обнимая Шимшона).* Привет, любимый! *(Обнимая и целуя Тамару).* Добрый день, дорогая Тамара! *(Хлопая Алика по плечу)* Привет, Алик! Ну и заждались мы вас! Чего так долго?

Шимшон. *Протягивая Мазаль букет роз.* Прежде всего, дорогая Мазаль, прими от меня букет роз!

Мазаль. Спасибо, милый! *(Принимая розы).* Какие чудные розы! И как пахнут! Ты очень внимательный, Шимшон.

Шимшон. Извиняемся, что задержались. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Надо было срочно решить некоторые дела.

Батцион. Добро пожаловать, дорогие гости!

Тамара. Я тоже рада сказать вам - добрый день! *(Обнимает и целует Батцион).* Здравствуй, дорогая сестра. *(Обнимает и целует Мазаль).*

Батцион. *(Обнимает и целует Тамару)* Здравствуй, дорогая Тамара.

Тамара. Здравствуй, милая Мазаль! Извините, что запоздали. Так получилось. *(Алику).* Сынок, надо поздороваться.

Алик. Знаю. *(Громко).* Йом тов! То есть, добрый день!

Мазаль. Это мой дедушка Хаим. *(Представляет).* А это Шимшон, мой жених!

Хаим. *(Протягивая руку Шимшону).* Хаим. Рад познакомиться с женихом моей внучки.

Шимшон. *(Пожимая руку Хаиму).* А я рад познакомиться с дедушкой моей невесты. *(Протягивая Хаиму букет роз).* Поздравляю вас с прибытием на Землю Обетованную. Это вам от меня, мамы и Алика.

Хаим. *(Принимая букет цветов).* Спасибо за цветы! Очень польщён таким вниманием.

Мазаль. *(Хаиму).* А это Тамара, мама моего жениха.

Хаим. *(Протягивая руку Тамаре).* Очень рад познакомиться с мамой жениха моей внучки.

Тамара. *(Протягивая руку Хаиму).* И я очень рада познакомиться с дедушкой невесты моего сына.

Мазаль. *(Хаиму).* А это Алик, младший братик моего жениха.

Хаим. *(Протягивая руку Алику).* О, с младшим братом жениха моей внучки надо обязательно познакомиться.

Алик. *(Громко).* Я тоже рад познакомиться с дедушкой невесты моего брата. *(Пожимает руку Хаиму).*

Хаим. *(Алику).* Интересно, а сколько тебе лет?

Алик. *(Громко).* Уже тринадцать!

Хаим. Смотри, какой большой!

Тамара. В апреле, на праздник Песах у него была Бар-мицва.

Хаим. Значит, Алик, тебя можно поздравить с Бар-мицвой – еврейским совершеннолетием?

Алик. *(Громко).* Можно!

Хаим. *(Ещё раз протягивает руку Алику).* Тогда поздравляю! *(Тамаре).* Как говорят горцы: сын – свет семьи, но если два сына – два света семьи!

Батцион. Хотите обедать, дорогая Тамара?

Тамара. Нет дорогая, мы уже пообедали. Кушать не хотим.

Батцион. Тогда, попьёте с нами чай?

Тамара. Не откажемся! *(Передавая Батцион пакет с шоколадным набором).* Это как раз к чаю.

Батцион. Спасибо, дорогая. А я испекла пирог с яблоками. Пойду на кухню готовить чай. Заодно поставлю цветы в воду. *(Берёт у Хаима цветы и уходит в дом).*

Мазаль. Дедушка, мы на пару минут отойдём с Шимшоном поболтать.

Шимшон. Мы так давно друг с другом не говорили!

Хаим. Идите, родные мои, поболтайте. Любовь видна в глазах.

Мазаль. *(Держа цветы).* Пойдём, милый, в мою комнату. Там поставим эти чудные розы в вазу. *(Уходит, обнявшись с Шимшоном, в дом).*

Хаим. *(Алику).* А мы с тобой, Алик, поболтаем здесь, под деревом, в присутствии мамы. Не возражаешь?

Алик. *(Смотрит на мать, которая кивает головой).* Не возражаю.

Хаим. Я хочу задать тебе, дорогой, несколько вопросов. Скажи, чувствуешь ли ты себя горским евреем?

Алик. *(Смущённо, не сразу).* Вроде, чувствую...

Хаим. Так вот, великий пролетарский писатель Горький говорил: «Человек – это звучит гордо!» А я скажу тебе так: «Горский еврей – это звучит гордо!»

Тамара. Именно так, сынок.

Алик. *(Громко).* Вот как – звучит гордо!

Хаим. Скажи мне, а почему нас называют горскими евреями?

Алик. *(Смотрит на мать).* Мама говорила: мы горские потому, что с древних времён жили на Кавказе, где очень высокие горы.

Тамара кивает головой

Хаим. О'кей! Ответ правильный! Ещё вопрос: а почему и когда горские евреи оказались на Кавказе?

Алик. Мне брат говорил, что горские евреи впервые пришли на Кавказ две с половиной тысячи лет тому назад из Персии. И ещё, что мы являемся потомками двенадцати колен израилевых, угнанных в ассирийский и вавилонский плен после завоевания Израиля и Иудеи.

Хаим. О'кей! Ответ тоже правильный! Но если ты чувствуешь себя горским евреем, ты должен знать наш горский язык. Скажи, ты говоришь на нём?

Алик. *(Смущённо глядя на мать).* Чуть-чуть.

Хаим. Что значит: чуть-чуть?

Тамара. *(Оправдываясь).* Мы приехали в Израиль из Кубы, когда Алику было всего пять лет. Решили, что ему будет лучше изучать иврит, чтобы легче было учиться в школе. Но отдельные наши горские слова я ему говорила.

Хаим. О'кей! Мы сейчас проверим. Скажи, Алик, ты любишь маму?

Алик. Конечно, люблю!

Хаим. Тогда как на горско-еврейском языке любовь?

Алик. *(Пытается вспомнить и смотрит на мать).* Сейчас, сейчас... Как это? *(Машет рукой).* Забыл!

Тамара. Как ты мог забыть, сынок? Я сто раз тебе говорила! Так опозориться!

Алик. Ну вот. Опять ругается.

Хаим. Ты напрасно сердишься на маму. Знай: брань матери – молитва! Хорошо, я тебе помогу. В нашем языке есть много слов, обозначающих любовь. У нас, в Дербенте, говорят: мугьбет. Повтори и запомни его навсегда, потому что с ним рождаются, живут и умирают!

Алик. *(Повторяет).* Мугьбет.

Хаим. А ты знаешь, Алик, как себя называют горские евреи на своём языке?

Алик. *(Думает).* Сейчас вспомню. *(Смотрит на Тамару).* Мне мама говорила. *(Радостно и громко).* Вспомнил: джуур!

Тамара. Молодец, сынок! В этот раз не подвёл маму.

Алик. Но я от брата слышал, что нас иногда называют татами...

Хаим. Какие мы таты? Да, есть на Кавказе таты-мусульмане, с которыми горские евреи говорят на одном и том же языке. Но мы к ним не имеем никакого отношения. Да и само слово «тат» тюркского происхождения и в переводе означает «раб». А мы – не рабы! Поэтому вычеркни слово «тат» из своей памяти.

Алик. Хорошо. Уже вычеркнул.

Тамара. *(С гордостью).* А сынок мой недавно стал ходить в спортивный клуб вольной борьбы.

Алик. Я хочу быть сильным, как брат, и поэтому записался в клуб вольной борьбы!

Хаим. О'кей! Очень хвалю тебя за это. Я сам в далёкой юности увлекался вольной борьбой. Может, попробуешь с дедом сразиться? Тряхнём стариной! *(Приготовился к борьбе).*

Алик. Я готов сразиться, но нужен коврик.

Хаим. А мы без коврика. Кто кого первый повалит. *(Вступает в борьбу с Аликом и делает вид, что падает).*

Батцион. *(Выходит во двор и подбегает к Хаиму, не давая ему упасть).* Ой, родной, что с тобой? Ты падаешь, но я держу тебя!

Хаим. *(Смеётся).* Не волнуйся, родная. Это мы с Аликом попросили сразиться в вольной борьбе. И он, похоже, одержал победу. *(Протягивает руку Алику).* Поздравляю тебя, маленький джигит.

Тамара. *(Алику).* Как ты смог, сынок, победить деда Хаима?

Алик. *(С гордостью).* А для чего я хожу в клуб вольной борьбы!?

Батцион. Теперь, дорогие, я вас всех приглашаю на чай. Всё готово и ждёт вас на террасе. *(Кричит).* Мазаль! Шимшон! Выходите к чаю. Заодно разбудите Шауля. Пусть присоединяется к нам на террасе.

Хаим, Батцион, Тамара и Алик переходят со двора на террасу. Вскоре появляются, взявшись за руки, Мазаль и Шимшон, а за ними Шауль в чёрной шляпе. Все садятся за стол и пододвигают к себе чашки с блюдами.

Батцион. Теперь, родные мои, можно приступать к чаю. Я заварила наш любимый зелёный чай. На столе пирог с яблоками, шоколадный набор. Есть также сахар и лимон. Каждый кладёт в чашку по своему желанию. Так, начинаю разливать. Будьте осторожны, дорогие, не обожгитесь. Чай очень горячий.

Все шумно приступают к чаю и дружно хвалят хозяйку за пирог.

Тамара. *(Прекращая пить чай).* Дорогой Хаим, я хочу у вас кое-что спросить. Вот вы только что приехали к нам из Нью-Йорка. Скажите, как там жизнь в Америке?

Хаим. Вы, наверное, думаете, что в Америке живут иначе, чем в любой другой стране? А я думаю, что везде жизнь одинакова, только со своими нюансами. Люди рождаются, растут, учатся, работают, влюбляются, женятся, рожают детей, доживают до старости, если повезёт, и, увы, покидают этот мир. Как говорил наш мудрый царь Соломон: что было, то и будет, что творилось, то и будет твориться, и нет ничего нового под солнцем!

Шауль. В Америке много евреев. Даже больше, чем в Израиле.

Алик. Дед Хаим! Я так хочу в Америку!

Хаим. Ты думаешь, тебя очень ждут в Америке?

Шимшон. Но Америку сейчас всюду критикуют.

Хаим. Знаю об этом. Стало модным ругать Америку. Да, проблем

в Америке хватает. Не всем нравится, как она ведёт себя в мире. И всё-таки я вам скажу: Америка была и останется великой страной, как поддерживала, так всегда и будет поддерживать Израиль. Да, чуть не забыл! Я же привёз вам из Америки подарки! *(Достаёт из дорожной сумки свёрток)*. В первую очередь Тамаре, маме жениха моей внучки. *(Протягивает ей свёрток)*.

Тамара. *(Принимая и раскрывая свёрток)*. Ой, Хаим, даже не ожидала. Какой красивый платок! Будто из Дагестана. *(Надевает на свои плечи)*. Ну как я в нём? Огромное спасибо!

Шимшон. Мама, ты в нём смотришься шикарно!

Мазаль. Дорогая Тамара, какая вы красивая в нём!

Хаим. Очень рад, что мой подарок понравился. Если хотите, Тамара, будьте в нём на свадьбе сына и моей внучки! Скажите, а как вам живётся в Израиле?

Тамара. Ну что вам сказать, дорогой Хаим? В Кубе, где мы жили до приезда в Израиль, был сплошной дефицит. А здесь всего вдоволь – товаров, продуктов. Бери, что душа твоя пожелает. Но надо работать. И много работать. Если там я работала продавщицей, то здесь без знания языка никуда не устроишься, кроме как на «никаён».

Мазаль. Это слово, дедушка, на иврите означает «уборка».

Тамара. Хорошо ещё, что устроилась на работу по уходу за одной старушкой, говорящей по-русски. Прихожу через день на три-четыре часа. Готовлю еду, убираю.

Хаим. Да, дорогая, везде нелегко на хлеб зарабатывать... Труд – крепость жизни человеческой! Ну а теперь, мой жених, твоя очередь получать подарок. *(Вытаскивает из дорожной сумки ещё один свёрток)*. Вижу, ты красивый, статный, крепкий юноша! Скажу тебе, внучка, ты сделала правильный выбор! Джигит, настоящий джигит! А что полагается носить джигиту?

Шимшон. Кинжал?

Хаим. *(Раскрывает свёрток)*. Не угадал! Видишь? Держи! Была бы голова – папаху найдётся! *(Вручает Шимшону папаху)*.

Шимшон. *(Принимая папаху)*. Спасибо, дед! А на что мне папаху?

Хаим. Как на что? Папаху не от жары или холода надевают! Посмотрим, как она сидит на твоей голове.

Шимшон. *(Надевает папаху).* Дед, в самый раз!

Мазаль. По-моему, сидит великолепно! Шимшон, ты в ней как настоящий джигит!

Тамара. Тебя не сразу узнаешь в ней, сынок! Как она тебе идёт!

Алик. *(Громко).* Ура! Мой брат – настоящий джигит! Можно мне померить папаху?

Шимшон. *(Снимая и передавая папаху Алику).* Я не против, братик, померяй!

Алик. *(Надевает папаху и тонет в ней).* Папаха слишком велика для меня! *(Снимает папаху и возвращает Шимшону, который тут же надевает её).*

Хаим. *(Смеётся).* Это ты слишком мал для папахи, дорогой Алик!

Всеобщий смех

Батцион. Да, Алик, тебе ещё надо подрасти маленько!

Шауль. *(Смеясь со всеми).* Забавное зрелище!

Хаим. Шимшон, если хочешь, приходи на свадьбу в папахе.

Шимшон. *(Весело).* А почему бы и нет?

Хаим. Эх, Шимшон, если бы я мог поменяться с тобой годами! Но разве ты согласишься на это? На что тебе мои старческие годы? И я был когда-то молодым, и знаю, что молодость и без вина пьяна! Повторю за мудрым Соломоном: радуйся юноша молодости своей и да веселит тебя сердце твоё в дни юности твоей! Слышал, что ты уже отслужил в израильской армии. И в каких войсках?

Шимшон. В танковых.

Хаим. *(Срадастным удивлением).* В танковых?! Я в Красной Армии тоже служил в танковых! Был водителем-механиком! Сколько километров прошёл на учениях в «Тэ» тридцатьчетвёрочке! Не сосчитать!

Шимшон. Вот это совпадение, дед! Я в нашем танковом экипаже из четырёх человек тоже был водителем-механиком! Только у нас на вооружении была «Меркава 3». Грозный танк, напичканный электроникой и нисколько не уступающий новой российской модели «Т-90»!

Хаим. Ну а чем, Шимшон, ты сейчас занимаешься? Каковы твои планы на будущее?

Шимшон. Тружусь в гараже. Как механик ремонтирую машины. Делаю, как говорят американцы, деньги. Работа тяжёлая...

Хаим. А ты думаешь в Америке работа лёгкая? Только имей в виду, что вещи и деньги человеку ума и благородства не прибавляют!

Шимшон. Но я не собираюсь всю жизнь копать в моторе. Мечтаю открыть свой бизнес, и для этого записался на курсы по открытию и управлению бизнесом. Как, одобряете, дед Хаим?

Хаим. Ещё бы! Ты, я вижу, птица высокого полёта. Значит, я не ошибся в тебе. Только скажу: чтобы добиться своей цели, надо иметь терпение. А терпение – основа мира!

Мазаль. *(Обнимая Шимшона).* У моего Шимшона терпения хватит на троих! Он ещё не сказал, что до армии занимался в ансамбле кавказского танца!

Хаим. Так ты ещё и танцор? Надеюсь, на свадьбе покажешь свое искусство? О'кей! А теперь очередь младшего брата нашего джигита. *(Алику).* Тебя тоже ждёт сюрприз, но сначала скажи: что ты больше всего любишь?

Алик. *(Сразу и громко).* Компьютер!

Хаим. Так и знал!

Всеобщий смех

Тамара. Он просто помешался на компьютере! Как приходит со школы, так сразу и садится за него, и никакими силами его не отогнать! Даже есть не желает! Хорошо, что старшего брата ещё боится и слушается! Шимшон точно прозвал его «компьютерным мальчиком»!

Алик. А что в компьютере плохого? Сейчас все в мире за ним сидят!

Хаим. В принципе, я против компьютера ничего не имею. Это великое техническое достижение XX века. Мозг человека должен с детства проявляться. И всё-таки скажу: это какое-то стихийное бедствие всемирного масштаба! У нас в Нью-Йорке мои внуки после школы каждый садится к своему компьютеру и больше ни до

чего им нет дела – ни до книг, ни до прогулок, ни даже до телевизора! Надо разумно пользоваться компьютером, а не быть его рабом. Только при этом условии я дарю тебе, Алик, этот американский диск с компьютерными играми. (*Вытаскивает из дорожной сумки диск и протягивает его Алику*).

Алик. (*Вскочив из-за стола, хватая диск*). Огромное спасибо, дедушка Хаим. Это как раз то, что я люблю. Можно мне прямо сейчас посмотреть этот диск? Я знаю, что у Мазаль есть компьютер.

Мазаль. Я не возражаю.

Хаим. Скажу, Алик, какой ты нетерпеливый. Ладно, ответ сначала на один вопрос, а потом иди играть! Помнишь, у нас был с тобой разговор во дворе о горских евреях?

Алик. (*Стоит, готовясь уйти*). Помню. А вопрос не трудный?

Хаим. Как сказать... Так вот: кто самый знаменитый горский еврей, чья благотворная деятельность известна во всём мире? Только не подсказывать!

Алик. (*Силится вспомнить*). Сейчас, сейчас. Дайте подумать! Мне мама говорила...

Тамара. (*Алику*). Неужели ты не помнишь? Его фамилия начинается с буквы «И».

Алик. (*Громко*). Ура! Вспомнил! Это доктор Илизаров!

Все аплодируют с возгласами: «Молодец!», «Браво!», «Правильно!»

Хаим. О'кей, Алик! Хотя и с маленькой подсказкой, но дал абсолютно правильный ответ! Добавлю лишь, что Гавриил Абрамович Илизаров был доктором медицинских наук, членом-корреспондентом Академии наук СССР, Героем Социалистического труда, лауреатом Ленинской премии и награждён многими орденами и медалями! Он изобрёл аппарат, помогающий после серьёзных травм и ранений вернуться к полноценной деятельности тысячам людей, в том числе олимпийскому чемпиону по прыжкам в высоту знаменитому Валерию Брумелю! Его лечебный метод признан во всём мире.

Алик. Вот как! Таких подробностей я и не знал! Теперь я могу идти?

Хаим. Подожди! Послушай, что я тебе скажу. Наш горско-еврейский народ очень талантлив! Несмотря на малочисленность,

дал миру столько знаменитых ученых, воинов, спортсменов, артистов, художников, музыкантов – всех и не перечислить! Ты, Алик, должен гордиться, что принадлежишь к нашему народу!

Алик. А что, я горжусь... Может, когда вырасту, тоже стану олимпийским чемпионом!

Хаим. А почему бы и нет? В добрый час!

Алик. Дед Хаим, теперь я могу пойти поиграть в компьютерные игры?

Хаим. Теперь можешь! Желание ребенка сильнее приказа падишаха!

Тамара. Только, сынок, ненадолго. Скоро мы должны уходить. Не засиживайся у компьютера.

Алик. *(Собираясь уходить с диском).* Постараюсь... Наконец-то!

Хаим. Алик, кто не прислушивается к советам старшего, тот попадет в беду!

Шимшон. Мазаль проводит тебя, компьютерный мальчик.

Мазаль. Пойдем, Алик, в мою комнату. Там ты сможешь поиграть в свои компьютерные игры! *(Уходит с Аликом в дом и вскоре возвращается на террасу).*

Тамара. Да, тяжело воспитывать детей без отца. Кроме двух сыновей, меня еще есть дочь Галя, которая сейчас в армии. Вот уже больше двух лет, как нет моего дорогого Арона... *(Плачет и вытирает платком слезы).*

Хаим. А что с ним случилось?

Шимшон. *(Встает из-за стола, подходит к Тамаре и обнимает ее).* Мама, дорогая, успокойся. Лучше я расскажу. Отца убили во время теракта в позапрошлом году, когда он ездил к нашим дальним родственникам. Папа оказался в автобусе, в котором палестинец-самоубийца привел в действие взрывное устройство.

Хаим. Это настоящая трагедия! *(Встает из-за стола, подходит к тамаре и обнимает ее).* Потеря близкого – великое горе. Положи свое горе на мое и я его перенесу. Прими от меня, дорогая Тамара самые глубокие соболезнования. Светлая память твоему Арону. Пусть прах его покоится в мире!

Батцион. *(Также подходит к Тамаре и обнимает ее).* Не плачь, родная, успокойся. Вся наша семья с тобой в вашем горе.

Мазаль. (Также подходит к Тамаре и обнимает ее). Успокойтесь, дорогая Тамара. Мы всегда с вами в этом горе. Светлая память Арону!

Шауль. (Также подходит к Тамаре). Мы всей душой с вами, Тамара. Но его душа не погибла. Она где-то на небе и, как ангел, смотрит на нас с высоты.

Тамара. (Вытирая платком слезы). Дай бог, чтобы это было так. Спасибо вам, дорогие, за сочувствие в моем горе... Пусть покарает Бог наших врагов в одно время!

Шимшон. (Возвращаясь на место). Отец погиб в теракте, когда я служил в армии в Газе. Не раз посылал из танка палестинцам гостинцы, мстя за отца. Надеюсь, что кое-кто из палестинцев после наших гостинцев попал в рай к Аллаху.

Хаим. Снова вижу, Шимшон, что моя милая внучка не ошиблась в тебе. Джигит, настоящий джигит!

Мазаль. (Обнимая Шимшона). Он у меня герой!

Тамара. Да, я могу гордиться своим сыном, который хоть чуточку заменил младшему Алику отца. Правда, мне платят пособие за погибшего мужа, но никакие деньги не заменят мне дорогого Арона (Снова плачет и вытирает слезы платком). Моя дочь Галя попросилась в пехотные войска, чтобы мстить за отца!

Хаим. (Вставая из-за стола и начиная ходить по террасе). Скажу, что арабский терроризм принял глобальный характер! Никогда не забуду, как в наших близнецов в Нью-Йорке врезались два самолета с террористами. Я тогда случайно оказался на Бруклинском мосту и все видел собственными глазами! Это было страшное, потрясающее зрелище: два огромных здания на твоих глазах рушились в огне и дыму! Такое впечатление, что реально видишь кадры из фантастического фильма ужасов!

Батцион. Действительно так! Мы все это со страхом видели по телевизору. Сколько народу погибло тогда!

Хаим. Да, очень много. Больше двух тысяч!

Тамара. Это кошмар какой-то! Я долго не могла прийти после этого в себя!

Шауль. Не верилось, что все это происходило в Америке!

Мазаль. Более ужасной картины я до этого не видела!

Шимион. У меня было такое впечатление, будто началась третья мировая война!

Хаим. Именно так! Арабский терроризм объявил войну всему миру. Уж больно им не терпится установить мировое господство ислама и ради этого они, сволочи, готовы жертвовать своей жизнью! Настоящие фанатики! У меня такое ощущение, что Израиль со дня своего возрождения живет в постоянной арабской осаде! Вы находитесь на переднем крае борьбы с терроризмом!

Батцион. Да, родной, они, гады, отказывают нам в праве на существование на этой земле!

Хаим. (Гневно). Отказывают в праве!.. В Библии сказано, что эта земля завещана нам - потомкам Авраама, Ицхака и Якова самим Всевышним! Так это, Шауль?

Шауль. Без сомнения, так! Она принадлежит нам по праву! Это Земля Обетованная для нас, евреев!

Хаим. Они, видите ли, отказывают нам в праве! Если на то пошло, то я отказываю им в праве существовать на этой земле!

Шимион. Сколько раз они пытались сбросить нас в море. Не вышло!

Хаим. И до сих пор не могут успокоиться! Видно, урок злодея-антисемита Гитлера не пошел им впрок! Что же, они получили и получают от Израиля еще не один урок!

Мазаль. Они понимают только язык силы!

Хаим. Вот мы и будем говорить с ними языком силы! И знаете: Америка, какой бы президент не был избран, всегда будет с Израилем!

Шауль. Кстати, недавно в книжке «Сказания горских евреев Кавказа» я прочитал легенду «Хитрый эфенди и ученый еврей», в которой рассказывается, как одному ученому еврею в Стамбуле удалось с помощью хитрости – изготовления двух половинок короны – убедить турецкого султана отказаться от насильственного обращения еврейского народа в ислам. Мы никогда не поменяем нашу веру в единого Бога, которая поможет нам победить любых врагов!

Хаим. Твоими устами, Шауль, глаголет истина!

Шауль. (Смотрит на часы). Однако, настало время идти в синагогу.

Хаим. Скажу, сердце мудрого знает время и закон!

Шауль. Кроме того, я договорился с равом Давидом встретиться до службы и обсудить некоторые вопросы, связанные с соблюдением субботы. Ведь завтра наступает шабат.

Батцион. Мы тебя не задерживаем, сынок. Иди, если договорился.

Хаим. А рав Давид приглашен на свадьбу?

Мазаль. Не только приглашен, но будет обручать нас под хупой!

Хаим. О'кей!.. *(Вставая из-за стола и протягивая Шаулю руку)*
Желаю тебе успехов в постижении нашей Торы, дорогой Шауль. Надеюсь, что со временем сам будешь равом. Но запомни: раввином стать не трудно, а вот человеком стать очень трудно!

Шауль. Запомню, дедушка Хаим. До свидания! *(Встает из-за стола и пожимает руку Хаиму).*

Голоса. До свидания, Шауль! Бай! Передай привет раву Давиду!

Шауль выходит с террасы и, закрывая за собой калитку, машет рукой.

Батцион. *(Начиная суетиться вокруг стола).* Смотрю, родные, за разговорами совсем забыли про чай. Пойду, заварю свежий чай. *(Забирает чайник и уходит в дом).*

Хаим. Значит, дорогие жених и невеста, вас будет обручать рав Давид? Рад видеть вас счастливыми! Влюбленное сердце созвучно игре саза!

Тамара. Я тоже не могу нарадоваться, глядя на молодых! Жить не могут друг без друга!

Батцион. *(Возвращается на террасу с чайником и ставит его на стол).* Это так, дорогая Тамара! Не могут дышать друг без друга!

Хаим. Хотел бы знать, родные, как и где вы впервые познакомились?

Мазаль. *(Шимшону).* Расскажем дедушке?

Шимшон. Расскажем! С удовольствием! Это историческое событие произошло на остановке автобуса – там, где солдаты голосуют, чтобы остановить машину! На иврите – тремп.

Сцена на короткое время затемняется, потом появляется свет, падающий на свободное пространство на террасе рядом со столом и на табличку с указанием остановки автобуса...

На террасе одна Мазаль в форме ВВС Израиля.

Шимшон. *(Входит на террасу в армейской форме танковых войск Израиля).* Шалом, бахура! Можно поинтересоваться: прошел ли сейчас автобус?

Мазаль. Шалом, бахур! Невозможно догадаться и так? Если я стою здесь, значит, не прошел.

Шимшон. Какой я недогадливый. Спасибо за комплимент!

Мазаль. Не за что! *(Поднимает руку).* Боюсь, что автобус будет не скоро. Надо ловить тремп.

Шимшон. Идея прекрасная и даже гениальная. Сразу видно, что ты догадлива! *(Поднимает руку).* Будем ловить вместе!

Мазаль. Не возражаю.

Шимшон. Может, познакомимся для начала? Шимшон.

Мазаль. Воскресший герой из еврейской истории? А я – Мазаль!

Шимшон. Очень приятно! С таким именем можно рассчитывать на счастье и удачу!

Мазаль. Вот теперь угадал. Судя по наклейкам, танкист, значит. Уважаю танкистов! Ударная сила армии!

Шимшон. А ты, судя по значкам, прыгаешь с неба. Парашютистка, значит. Уважаю парашютистов!

Мазаль. Но я только дважды прыгала, и не с неба, а с вертолета. Мое дело – собирать парашюты после спуска десантников. Ведь десантные войска считаются не женским делом. Кстати, друг, у тебя найдется капелька воды? У меня уже кончилась.

Шимшон. *(Вытаскивая флягу).* Для такой красивой девушки не одна, а сто капелек найдется! *(Протягивает флягу Мазаль).* Пей, сколько хочешь!

Мазаль. Спасибо, Шимшон! А то я без воды совсем расплавилась бы на солнце *(Пьет из фляги и возвращает ее Шимшону).*

Шимшон. А ты мне нравишься! Как могло случиться, что я тебя до сих пор не знал? Но твое лицо кажется мне знакомым. Не видел ли я тебя прежде? Ты, случайно, не с Кавказа?

Мазаль. Угадал! С Кавказа.

Шимшон. Из какого города?

Мазаль. Дербента.

Шимшон. Вот это да! А я из Кубы, из Красной слободы.

Мазаль. Значит, ты из горских?

Шимшон. Конечно, из горских!

Мазаль. Вот это да! И я из горских! И даже приезжала не раз в Кубу к своим родственникам, но почему-то тебя там не видела.

Шимшон. А мы с экскурсией от школы приезжали в Дербент смотреть вашу знаменитую крепость. Как же случилось, что мы с тобой не встретились?

Мазаль. Зато встретились здесь, в Израиле!

Шимшон. Но мы должны были встретиться значительно раньше!

Мазаль. (Смеется). Лучше поздно, чем никогда!

Где-то в темной глубине сцены с шумом останавливается машина.

Мазаль. (Наклонившись к водителю, которого не видно). Возьмете нас? Двое (Шимшону). У них только одно место.

Шимшон. Садись, Мазаль! А я дождусь следующего тремпа!

Мазаль. Бай, Шимшон! (Садится в машину).

Шимшон. (Кричит). Подожди! А твой телефон?

Мазаль. (Кричит). Вот он. Запоминай: 0528481818!

Слышен шум удаляющейся машины. Сцена временно погружается в темноту, затем появляется свет, освещающий всю террасу. За столом в обычной одежде снова сидят Шимшон и Мазаль, которые продолжают вместе с Хаимом, Батцион и Тамарой пить чай.

Хаим. Вот так вы и познакомились. Очень интересно.

Шимшон. И все благодаря тремпу! Да здравствует тремп!

Мазаль. В тот же день Шимшон позвонил мне вечером и мы стали встречаться!

Шимшон. Телефон Мазаль было легко запомнить: в нем четыре восьмерки! Признайся, милая, до встречи со мной ты была счастлива?

Мазаль. Если бы была, зачем было Богу угодно сводить тебя со мной?

Шимшон. А спустя год, закончив службу в армии, мы решили пожениться!

Хаим. *(Шимшону).* Скажу тебе, кто нашел себе добрую жену, тот нашел благо и снискал благодать от Господа!

Батцион. А пять месяцев назад, в праздник Ту би шват по нашему обычаю, мы устроили у себя Кидушим и договорились о дне свадьбы.

Тамара. Я сразу одобрила выбор моего сына. Мы, как полагается, вручили Мазаль обручальное кольцо и принесли две бутылки вина, семь даров Земли Обетованной и стаканы, украшенные красными бантами и наполненные изюмом. И ты, милая невеста, сидишь среди нас как светоч дома и украшение стола!

Батцион. Шимшон произвел на меня самое приятное впечатление. Недаром говорят: хороший зять слаще сына!

Мазаль. А мы с Шимшоном были рады, что на Кидушим познакомились друг с другом наши родители.

Батцион. Я сразу полюбила тебя, дорогая Тамара! *(Обнимает Тамару).*

Тамара. А я тебя еще больше, дорогая Батцион! *(Целуется с Батцион).*

Хаим. Скажу, что это очень важно, Шимшон: сначала полюби тещу, а потом ее дочь. И знай, милый: родители невесты – твои родители!

Шимшон. Можете не сомневаться: я испытываю к маме моей невесты самые теплые чувства! *(Подходит к Батцион и обнимает ее).*

Мазаль. А я горячо полюбила маму моего жениха! *(Подходит к Тамаре и целует ее).*

Хаим. О'кей! Скажу вам, что это мне очень нравится! Теперь скажите, у вас все готово к свадьбе?

Батцион. Еще хлопот много. Совсем закрутилась, родной.

Хаим. И как вы решили праздновать? По нашему старому горско-еврейскому обычаю? Никогда не забуду свою свадьбу много лет назад в Дербенте. За несколько дней - веселый мальчишник у жениха с

друзьями, а накануне - обряд миквы у невесты. Первый день свадьбы - в доме невесты: приход жениха и его родственников со свадебной одеждой и золотыми украшениями, в которые она тут же наряжается, выкуп невесты у братьев, праздничный стол.

Тамара. У меня точно так было в Кубе! Второй день свадьбы начинался также в доме невесты: приходил раввин с представителями жениха, записывалось приданое, составлялась ктуба. Вечером жених со своими родственниками приезжали за невестой на красиво убранных машинах с музыкой и сигналами и привозили ее с родственниками в дом жениха. Во дворе невесту осыпали рисом и конфетами. Невеста переступала порог дома правой ногой, а мать жениха совершала целую церемонию с медом.

Хаим. *(Воодушевляясь, встает из-за стола и начинает ходить по террасе).* Именно так проходила моя свадьба в Дербенте! И самый волнующий момент, когда молодые проходят под шумные приветствия гостей к хупе, где совершается венчание, раввин читает семь благословений, новобрачные подписывают ктубу, а жених разбивает ногой стакан в память о разрушении Иерусалима. Первый танец невеста танцет с отцом или братом жениха, а в конце свадьбы - танец жениха и невесты.

Тамара. А по окончании свадьбы у нас оставались родственники с обеих сторон и пели «Бэнигору» - хвалебную песню в честь невесты, жениха, их близких и совершали красивую процедуру с хной.

Хаим. Бывало, свадьба, как моя, продолжалась три дня, и я на ней танцевал до упаду! Вот теперь потанцую и на вашей, дорогие Мазаль и Шимшон! Есть еще порох в пороховницах! *(Хлопает в ладоши и пританцовывает).*

Мазаль. *(Тоже хлопает в ладоши).* И мы постараемся с Шимшоном не ударить лицом в грязь! Так, любимый? *(Обнимает Шимшона).*

Шимшон. *(Обнимая Мазаль).* Так, любимая!

Батцион. Но здесь, в Израиле, родной, наши горские делают свадьбу немножко по-другому. Все-таки, другая страна, другое время. Да и желания молодых надо учитывать!

Хаим. Расскажи, родная, и как?

Батцион. От выкупа отказались, приданное не записываем. Те-

перь свадьбу играют не дома, отдельно у невесты и жениха, а общую - в зале торжеств. В день свадьбы утром жених заезжает за невестой и вместе с ней едет в Салон красоты, где их парят в ванне с ароматическими маслами, делают прическу, косметiku, одевают к свадьбе и кормят. Затем они в сопровождении ближайших друзей и подруг совершают на красиво убранном лимузине с баром поездку по городу, гуляют по парку, снимаются и фотографируются на память. А вечером жених и невеста подъезжают к залу торжеств, у входа в который их встречают женщины - родственницы с обеих сторон с зажженными свечами в руках. А потом, как обычно, пение «Бэнигору», раздача хны женщинам, подписание ктубы, венчание молодых под хупой с семью благословениями рава, кидуш, разбитие стакана женихом. Ну, а затем начинается сама свадьба, и жених с невестой тацуют свое первое медленное свадебное танго.

Мазаль. Именно такую свадьбу мы хотим с Шимшоном!

Хаим. О, кей! Скажу, мне такая свадьба тоже нравится! В ней есть и наши традиции, и веяния нового времени. Хотел только спросить Шимшона. В ктубе указывается сумма денег, которую жених дает за невесту. Какую цифру ты собираешься записать?

Шимшон. (Обнимая Мазаль). Моя Мазаль не имеет цены, но раз требуется указать, напомним для ровного счёта один миллион!

Дружные аплодисменты

Хаим. О, кей! Молодец, дорогой! Снова вижу в тебе джигита.

Тамара. Во время свадьбы есть ещё один важный горский обычай – это платок невинности невесты.

Шимшон. Мама, может не надо? Мы же не в средние века живём!

Мазаль. Я согласна с Шимшоном! (Обнимает его).

Тамара. (Горячо). А я не согласна! В средние или не в средние, а без платка невинности по нашему обычаю не может быть свадьбы.

Батцион. В данном случае я на стороне Тамары! Не будем нарушать обычая наших предков! Тем более что зал торжеств в качестве подарка молодым за свой счёт снимает для них номер в гостинице на двенадцать часов.

Хаим. О'кей! В таком случае древний обычай горских евреев можно будет соблюсти!

Шимион. Ладно, убедили! Сделаем, дорогая Мазаль, приятное нашим родителям!

Мазаль. И дедушке Хаиму! *(Обнимается с Шимионом).*

Тамара. А мы, родители, будем стоять вместе и в зале торжеств принимать гостей.

Батцион. А рядом с нами будет находиться общая касса, в которую гости будут бросать конверты с деньгами!

Хаим. И сколько гостей ожидается на свадьбе?

Тамара. С каждой стороны приблизительно по триста. Кроме Израиля приедут родственники и наши друзья из России, с Кавказа, Америки, Канады. Всего шестьсот человек.

Хаим. О, кей! Бывает и больше. Но всё равно, представляю, во сколько вам обойдётся эта свадьба.

Шимион. Как поётся в одной песне: «Мы за ценой не постоим». Тем более, что отслужившие в армии получают солидный денежный подарок с правом потратить его на свадьбу.

Батцион. А собранные в кассе деньги пойдут на свадебное путешествие в Эйлат и на обстановку съёмной квартиры, в которой будут жить молодожёны!

Хаим. О'кей! Есть ещё один важный вопрос. Какая кухня будет на свадьбе?

Тамара. Хозяин зала торжеств наш, горский, и поэтому кухня будет наша, кавказская.

Хаим. О'кей! А не забыли про видеосъёмку и музыку? Я не представляю горскую свадьбу без нашей кавказской музыки!

Батцион. Нет, родной, не забыли. Заказали и съёмку, и ансамбль из наших горских музыкантов. Сегодня вечером должен подойти руководитель ансамбля Эдик – превосходный кларнетист, чтобы договориться о сумме оплаты.

Хаим. Что же, с удовольствием познакомлюсь с ним. Скажу, что в отношении свадьбы всё хорошо продумано и рассчитано! У матросов нет вопросов!

Тамара. *(Смотрит на часы).* Ой, засиделась я! Пора идти! Дома ждёт множество дел. Мазаль, милая, сходи, пожалуйста, за Аликом, скажи, что мы должны уходить.

Мазаль. *(Вставая из-за стола).* Хорошо, дорогая Тамара, я мигом. *(Убегает в дом и вскоре возвращается с Аликом, держащим в руке диск).*

Тамара. Сынок, нам пора идти. И так засиделись в гостях.

Алик. Какой крутой диск подарил мне дед Хаим! Это фантастика какая-то!

Хаим. Рад, что угодил любознательному человечку.

Тамара. *(Шимшону).* Сынок, ты тоже пойдёшь с нами или ещё останешься здесь? *(Встаёт из-за стола).*

Шимшон. Ещё ненадолго останусь, мама. Ведь ты сама говорила, что жениху и невесте, согласно обычаю горских евреев, нельзя встречаться за неделю до свадьбы. Получается, сегодня последний день, когда я вижу мою Мазаль перед свадьбой!

Тамара. Хорошо, Шимшон. Только сильно не задерживайся. Понадобится твоя помощь.

Шимшон. *(Алику).* А ты, компьютерный мальчик, чтобы слушался маму!

Хаим. *(Алику).* И чтобы радовал материнское сердце! Прощайте, дорогие. До встречи на свадьбе! *(Пожимает руку Тамаре, а затем Алику).*

Тамара. До свидания, милый Хаим! Спасибо за подарок.

Алик. *(Громко).* До свидания! Спасибо за американский диск!

Батцион. *(Подходит к Тамаре, обнимает и целует её).* До свидания, дорогая Тамара! Я так люблю тебя! Ты для меня, как сестра!

Тамара. *(Обнимая и целуя Батцион).* Прощай, дорогая Батцион! И я тебя очень люблю! Но ты для меня больше, чем сестра!

Хаим, Батцион, Шимшон и Мазаль провожают до калитки Тамару и Алика и возвращаются на террасу.

Батцион. Отец, может, ещё попьёшь чайку? А вы, молодёжь?

Хаим. Не откажусь, а потом можно будет сполоснуться под душем.

Шимшон. *(Обнимая Мазаль).* Мы с Мазаль, просто погибаем от жажды!

Батцион. Тогда надо подогреть чайник. *(Включает его в розетку).* Я звонила сестре Лее в Москву. Она тоже обещала приехать с семьёй на свадьбу.

Хаим. О' кей! Я её очень давно не видел. Заодно повидаю её детей – своих внуков.

В кармане Мазаль звонит пелефон.

Мазаль. *(Вынимая из кармана пелефон).* Это ты, Шошана? Привет, дорогая! Что? Не может быть! *(Бросает пелефон на стол и вскакивает из-за стола, сильно расстроенная и разгневанная).* Никакой свадьбы не будет! Свадьба отменяется!

Хаим. Что случилось, внучка? Ты не шутишь?

Мазаль. Какие могут быть шутки!

Шимшон. Мазаль, родная, скажи мне, в чём дело?

Мазаль. Сам знаешь, в чём дело! Тоже мне, джигит! Обманщик, бабник, Дон Жуан! Ненавижу тебя! Шошана мне такое сказала!

Шимшон. Шошана? Что она тебе такого сказала?

Мазаль. Прощай, дедушка! Никого не хочу видеть! Прости меня! *(Целует Хаима и стремительно выбегает с террасы по направлению к калитке, которую за собой оставляет открытой).*

Хаим, Батцион и Шимшон на несколько секунд застыли в шоке.

Хаим. *(Встаёт из-за стола и начинает ходить по террасе).* Вот это сюрприз! Всеу своё время: время любить и время ненавидеть! Шимшон, ты можешь мне толком что-нибудь объяснить?

Шимшон. *(Встаёт из-за стола).* Если бы мог! Я сам ничего не понимаю...

Хаим. И кто такая Шошана?

Батцион. Это подруга Мазаль. Работает секретарём в том же гараже, что и Шимшон!

Хаим. Смерть и жизнь во власти языка! *(Шимшону).* Скажи прямо: ты любишь Мазаль или шашни где-то на стороне заводишь?

Шимшон. Клянусь, что люблю!

Хаим. Любишь? Да знаешь ли ты, что такое Любовь горца?!

Шимшон. *(Неуверенно).* Знаю...

Хаим. *(Решительно).* Нет, не знаешь! Если бы знал, то сию минуту погнался бы за нею и вернул бы сюда хоть с края света! И знай: мужчина без женщины не стоит и двух копеек!

Батцион. *(Плача).* Прошу тебя, Шимшон, найди и верни домой мою дочку!

Шимшон. *(В растерянности).* Где я буду искать её?

Хаим. *(Горячо).* Не бывает безвыходных положений! Если бы я оказался на твоём месте, то не только отыскал бы свою любимую, но и принёс бы её домой на руках, где бы она ни находилась! Читал в детстве наши горские сказки и легенды о храбрых джигитах и их подвигах во имя справедливости и верной любви?

Шимшон. Читал.

Хаим. Так будь подобен тем отважным джигитам, которые прошли через множество испытаний, чтобы найти и спасти своих любимых! Джигит ты или не джигит!?

Шимшон. *(Собираясь бежать).* Я тотчас бегу.

Хаим. *(Кричит).* Постой на секунду. Сними папаху и положи на стол! Голова дана не для того, чтобы папаху носить. Когда вернёшься с Мазаль, наденешь опять. Намёк мой понял? Чтобы принёс домой нашу Мазаль на руках! Слышишь? На руках!

Шимшон не отвечая, снимает папаху, бросает её на стол и стремительно выбегает из дома.

Батцион. *(Громко плача).* Что теперь будет? Неужели свадьба не состоится? Позор! Какой позор обрушился на нас!

Хаим. *(Обнимая Батцион).* Не плачь, родная, успокойся! Ещё ничего не известно! Здесь что-то не то. Всё образуется. Кажется, что Шимшон тут ни при чём. Главное, родная, успокойся и перестань плакать!

Батцион. *(Вытирая слёзы).* Дай Бог, дорогой отец! *(Обнимает Хаима).*

Занавес. Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Правую половину сцены занимает часть сквера со скамейкой, левую - часть здания с вывеской «7012» (гараж). При входе справа – комната секретаря, в которой за столом сидит Шошана и говорит по телефону. К гаражу подбегает Мазаль, которая, запыхавшись от бега, открывает дверь и влетает в комнату секретаря.

Мазаль. Привет, Шошана! Мне надо с тобой поговорить!

Шошана. *(Показывает пальцами подождать).* Секунду. *(Вдыхая, кладёт трубку).* От этих звонков нет покоя. Не дают заниматься своим делом.

Мазаль. Я очень хочу с тобой поговорить.

Шошана. Чувствовала, что ты так быстро прискачешь. Давай выйдем на улицу. Зачем нам лишние свидетели? *(Кричит).* Гена, я выйду на минутку, хорошо?

Мазаль. Так будет лучше. *(Выходит с Шошаной из гаража и останавливается в стороне от входа).* Я чуть с ума не сошла, когда ты позвонила мне. До сих пор не могу прийти в себя!

Шошана. Я понимаю твоё состояние, дорогая. Но лучше узнать правду до свадьбы, чем после неё.

Мазаль. Так это правда, что Шимшон обещал жениться на тебе?

Шошана. Чистая правда.

Мазаль. И когда он тебе говорил это?

Шошана. Давно, ещё до вашей помолвки.

Мазаль. Ну ты меня огорошила. Трудно поверить.

Шошана. Я говорю то, что было.

Мазаль. Но почему ты не сказала мне об этом раньше?

Шошана. Не хотела огорчать тебя, дорогая.

Мазаль. Ничего себе - огорчать! И что, Шимшон делал тебе предложение?

Шошана. До предложения дело не дошло, но могло дойти. Видно, ему было выгоднее жениться на тебе.

Мазаль. Выгоднее? Что ты говоришь?

Шошана. Ты ещё сомневаешься? Твои родители побогаче, чем мои. Следовательно, и приданое побольше, чем моё.

Мазаль. Этого я никак не могла ожидать от Шимшона.

Шошана. Значит, ты его плохо знаешь.

Мазаль. Ты хочешь сказать, что знаешь его лучше, чем я?

Шошана. Разве может быть иначе, если я работаю с ним вместе в одном гараже почти полгода? Представь себе, он ко мне до сих пор равнодушен!

Мазаль. Почему ты так думаешь?

Шошана. Не думаю, а уверена. По праздникам дарит мне конфеты, шоколад, любит поболтать со мной, пошутить...

Мазаль. Это ещё ни о чём не говорит!

Шошана. Тебе. А мне о многом говорит!

На сцене появляется Шимшон, который подбегает к Мазаль и Шошане.

Шимшон. (Мазаль). Вот где ты, дорогая. Всё же нагнал тебя. Значит, догадался, куда ты побежала!

Мазаль. (Отворачиваясь от Шимшона). Опять хвастаешься своей догадливостью. Не хочу с тобой разговаривать! Обманщик и бабник, да ещё и аферист!

Шимшон. А я вот хочу. И не только с тобой, но и с Шошаной!

Шошана. И я тоже хочу говорить с тобой!

Шимшон. Повтори, что ты сказала сегодня по телефону Мазаль?

Шошана. Сам знаешь! Что ты обещал жениться на мне!

Шимшон. (С изумлением). Я? Обещал? Жениться? Это ложь чистой воды!

Мазаль. (Поворачиваясь в сторону Шимшона). Так это ложь или правда?

Шошана. Забыл что ли? Тогда напомню. После того, как я устроилась на работу в этот гараж благодаря тебе...

Мазаль. Не только ему, но и мне. Забыла? Когда здесь освободилось место секретаря, он по моей просьбе уговорил хозяина взять тебя на работу...

Шимшон. Было такое дело.

Шошана. Так вот, Шимшон, с тех пор, как я начала здесь работать, ты стал обращать на меня внимание и говорить комплименты.

Мазаль. (Шимшону). Было такое?

Шимшон. (Смущаясь). А почему бы не сказать красивой девушке что-то приятное?

Мазаль. (Шошане). И что он тебе говорил?

Шошана. Ну, что я очень красивая, и что я могу свести с ума всех парней Израйля.

Мазаль. (Пристально смотрит на Шимшона). Говорил такое?

Шимшон. (Теряясь). Язык без костей! Чего в шутку не скажешь?

Мазаль. И ты обещал Шошане жениться на ней? Да или нет?

Шимшон. Вот такого обещания я точно не давал!

Шошана. Забыл, дружок, как ты в первый день моей работы сказал мне, что если бы не встретил до меня Мазаль, то женился бы на мне?

Шимшон. (Громко рассмеявшись.) И это ты называешь обещанием жениться? Насмешила меня!

Мазаль. Ты говорил так?

Шимшон. Не отрицаю, говорил. Ну и что из этого? Пошутить нельзя?

Мазаль. Ничего себе шутки!

Шимшон. Ну а если серьёзно, то я уже сделал свой выбор. (К Мазаль). И этот выбор – ты, дорогая!

Мазаль. Не верю тебе! Ради чего ты выбрал меня?

Шимшон. Как ради чего? Ради любви к тебе!

Шошана. Может, ради чего-то ещё? Не ради приданого?

Шимшон. Что за чушь ты несёшь, Шошана! Тоже нашла аргумент! Я с приданным или с человеком всю жизнь жить буду?

Мазаль. Шошана, ты хоть знаешь, какую подлость сделала? Ты же могла своим звонком расстроить нашу свадьбу, разрушить наше счастье! Зачем ты это сделала? Почему?

Шошана. (Плача). Потому что... Потому что я тоже люблю Шимшона и не хотела, чтобы он женился на тебе...

Шимшон и Мазаль замерли от неожиданности.

Шимшон. Вот это да!

Мазаль. Не ожидала я от тебя! Теперь из подруг мы превратились в соперниц! Шимшон, выбирай, кто из нас тебе дороже и милей?

Шимшон. Перестань, дорогая, говорить ерунду. Я же сказал, что уже сделал свой окончательный выбор! Могу повторить: этот выбор – ты, Мазаль!

Мазаль. Ты слышала Шошана? Должна бы знать, что на чужом несчастье счастья не построишь.

Шошана. *(Сквозь рыдания).* Что же мне делать? Прости меня, Мазаль!

Мазаль. *(Смотрит на Шимшона).* Простить такое будет трудно, но я постараюсь... Только при одном условии, что ты уйдёшь с этой работы и никогда больше не будешь видаться с Шимшоном.

Шошана. *(Рыдая).* Мне без него будет тяжело... Но я выполню твою просьбу. Шимшон, ты оказался лучше, чем я думала о тебе...

Шимшон. Каким я был, таким остался.

Мазаль. И ещё. Не приходи на нашу свадьбу. Так будет лучше!

Шошана. *(Переставая рыдать).* Хорошо. Но ты простишь меня?

Мазаль. *(Не сразу).* Прощу... Но с этого дня мы больше не подруги!

Шошана, махнув на прощанье рукой, уходит в гараж.

Мазаль. Я так устала, дорогой. Давай где-нибудь присядем.

Шимшон. А вот скверик рядом. И скамейка есть.

Шимшон и Мазаль подходят, держась за руки, к скамейке и садятся рядом.

Мазаль. Если бы ты знал, дорогой, что мне пришлось пережить в эти минуты! Казалось, всё рушится: наша свадьба, наше счастье, наше будущее! *(Начинает рыдать, прислонившись к плечу Шимшона).*

Шимшон. *(Вынимает платок из кармана и вытирает им лицо Мазаль).* Ну, ещё не хватало, чтобы ты плакала. Видишь, всё кончи-

лось хорошо. Перестань, пожалуйста, и улыбнись.

Мазаль. *(Стараясь улыбнуться сквозь слёзы).* Ну как, получается?

Шимшон. Ещё больше, больше! *(Мазаль улыбается).* Ну вот, совсем хорошо! А мне, ты думаешь, было легко? И знаешь, чего я больше всего испугался?

Мазаль. Чего?

Шимшон. Потерять тебя, любимая, навсегда!

Мазаль. Это правда?

Шимшон. Клянусь мамой, что правда! Когда после звонка Шошаны ты внезапно убежала из дома, я, признаюсь, сначала растерялся, но твой славный дед быстро привёл меня в чувства. Я бросился за тобой следом, и какая-то неведомая сила привела меня к этому гаражу.

Мазаль. Спасибо бабушке, что привёл тебя в чувства!

Шимшон. Перед тем, как бежать, он велел мне снять папаху, сказав, что голова нужна не для того, чтоб папаху носить.

Мазаль. *(Улыбаясь).* Наверное, он прав. *(Серьёзно).* Ну ладно, Шошана совершила подлость. Но как, милый, ты объяснишь мне слова, которые сказал ей?

Шимшон. Какие слова?

Мазаль. Что если бы не встретил меня до неё, то женился бы на ней?

Шимшон. Как объясню? Любовь к красному словцу и шутке. Больше ничего!

Мазаль. Я не против шуток, но надо знать, дорогой, когда, где и при ком шутить. И вообще, тебе уже пора быть серьёзным. Два арбуза в одной руке не удержишь. И знай: я ревнива, очень ревнива!

Шимшон. Я, дорогая, и так становлюсь серьёзнее. Богу было угодно, чтобы первой я встретил тебя, а не Шошану, и вопрос решился сам собой.

Мазаль. *(Смеётся).* Опять ты смешишь меня. Но не это убедило меня, а твои слова: «Я с приданным или с человеком всю жизнь жить буду?» После них я снова поверила, что ты любишь меня. *(Обнимает и целует Шимшона).*

Шимшон. Хочешь, открою тебе секрет?

Мазаль. Хочу.

Шимшон. Помнишь нашу первую встречу на остановке для тремпа?

Мазаль. Конечно! Всю жизнь буду помнить.

Шимшон. Так вот. Я тогда влюбился в тебя с первого взгляда.

Мазаль. Почему ты раньше мне этого не сказал?

Шимшон. Чтобы ты не загордилась!

Мазаль. Ну тогда я тоже открою тебе свой секрет. Я тоже влюбилась в тебя тогда с первого взгляда!

Шимшон. Почему же ты не сказала мне этого раньше?

Мазаль. Чтобы ты не загордился! *(Оба смеются и обнимаются).*

Шимшон. Хорошо, что я в последний момент догадался спросить твой телефон.

Мазаль. Без твоей догадливости не состоялась бы наша свадьба.

Шимшон. До свадьбы ещё целая неделя! Это же вечность! Я не выдержу!

Мазаль. А где наш израильский «савланут»?

Шимшон. И мы не сможем теперь, согласно обычаям наших предков, встречаться до свадьбы?

Мазаль. Нет. Закон предков надо чтить!

Шимшон. Но я буду, дорогая, звонить тебе каждый час! Это ведь не запрещается?

Мазаль. Надеюсь, что нет, милый. А какое чудное платье и украшения ты мне подарил! Я сегодня утром мерила: как мне идёт!

Шимшон. Это спасибо моей сестре Гале. Мы с ней вместе выбирали. А я в восторге от подаренного тобой костюма! Как он сидит на мне!

Мазаль. Представляю, как ты будешь в этом костюме танцевать на нашей свадьбе лезгинку! Раскрою тебе, дорогой, второй секрет: после того, как я увидела тебя танцующим лезгинку, ты завоевал моё сердце окончательно.

Шимшон. Значит, я не зря ходил до армии четыре года в ансамбль кавказского танца?

Мазаль. Значит, не зря.

Шимшон. И я тебе тоже раскрою свой второй секрет: после того, как ты у себя дома исполнила для меня на пианино «Лунную сонату»

Бетховена, я влюбился в тебя окончательно и бесповоротно.

Мазаль. А ты помнишь, кому Бетховен посвятил «Лунную сонату»?

Шиммион. Запомню, дорогая... Кому?

Мазаль. Итальянской графине Джульетте Гвичиарди. Увы, его любовь к ней оказалась безответной, и он все муки своего сердца вылил в музыку.

Шиммион. Значит, не повезло бедняге Бетховену, в отличие от нас с тобой, милая Мазаль! *(Обнимает и целует её)*.

Мазаль. Давай, дорогой, помечтаем о будущем.

Шиммион. Давай! Во-первых, после свадьбы нас ждёт медовый месяц в Эйлате.

Мазаль. *(Смеётся)*. Во-вторых, не месяц, а только неделя.

Шиммион. *(Смеётся)*. Извини, оговорился. И за неделю спасибо.

Мазаль. А где мы будем жить с тобой после Эйлата?

Шиммион. Только не с родителями, при всей моей любви к ним и уважении. Больше всего в жизни я ценю независимость. Поживём временно на съёмной квартире, подкупим денежек и купим собственную. Идёт?

Мазаль. Идёт! Но лучше свой домик с садиком!

Шиммион. Идёт! Через два года ты окончишь педагогический колледж и станешь учительницей.

Мазаль. Это мечта всей моей жизни. Хочу на своих уроках прививать детям любовь к музыке.

Шиммион. А ты будешь строгой учительницей? Будешь стучать непослушных учеников линейкой по голове?

Мазаль. *(Смеётся)*. Боже упаси! В Израиле запрещены всякие насильственные действия против детей. Постараюсь подобрать к каждому из них свой золотой ключик. А тебя я в будущем вижу удачливым бизнесменом.

Шиммион. Да, я хочу доказать, что, как и другие горские евреи, могу и должен пробыть в израильском обществе. Но сначала надо окончить курсы по открытию и управлению бизнесом.

Мазаль. И каким делом ты решил заняться?

Шиммион. Есть у меня одна задумка... Всякие бизнес-идеи бродят в голове. Но пока не хочу открывать их, чтобы не сглазить.

Мазаль. Правильно. Теперь вижу в тебе разумного человека. А о нашем будущем потомстве ты не забыл? Нашему дорогому дедушке непременно надо подарить правнуков! Моя программа-минимум – троих!

Шимшон. Идёт! А программа-максимум?

Мазаль. Сколько Бог даст.

Шимшон. А у тебя, любимая, славный дед! Похож на мудреца из талмудических времён, разве что без бороды. Так и сыплет изречениями царя Соломона и пословицами.

Мазаль. Да, мой дедушка наделён большой мудростью. Нам есть, чему у него поучиться. Кроме того, он большой патриот нашего горско-еврейского народа. Прекрасно знает наш язык. Кстати, дедушка подарил мне к свадьбе чудесные золотые часы, а я сму – угадай что?

Шимшон. Свою картину «Стена плача». Я обратил внимание, что она появилась на террасе, и подумал, что это не случайно.

Мазаль. Угадал! И ты знаешь, дорогой, она дедушке очень понравилась.

Шимшон. Разве в этом можно сомневаться? Ведь ты, милая, у меня не только замечательная музыкантша, но и замечательная художница!

Мазаль. Ну, дорогой, ты слишком сильно сказал. Я только недавно начала посещать художественную студию.

Шимшон. А ты когда-нибудь нарисуешь мой портрет?

Мазаль. Почему бы и нет? Только надо наловчиться в живописи сначала. Дедушка очень хочет увидеть Стену плача собственными глазами, и я обещала, что мы поедем с ним завтра в Иерусалим.

Шимшон. Одобряю. Это первое, что должен увидеть твой дед в Израиле.

Мазаль. (Смотрит на часы). Ой, заболталась я с тобой, любимый! (Вскакивает со скамейки). Дедушка и мама ждут нас и, наверно, сходят с ума!

Шимшон. Надо срочно позвонить им!

Мазаль. (Ищет пелефон в кармане). Я свой пелефон оставила дома. Бросила вгорячах на стол после разговора с Шошаной и убежала из дома.

Шимшон. *(Достаёт из кармана и протягивает Мазаль свой пелефон).* На, возьми мой. Скажи, милая, что мы помирились и скоро будем дома.

Мазаль. *(Набирает номер).* Мама, это ты? Только не плачь, дорогая! У нас с Шимшоном всё в порядке! Аколь беседер! Слышишь? Мы помирились! От нас дедушке сердечный привет. Пусть не волнуется. Мы будем мигом. Держи. *(Возвращает Шимшону пелефон и хватает его за руку).* Бежим!

Шимшон. Подожди! *(Берёт Мазаль на руки).* Я принесу тебя домой на руках, как обещал твоему деду!

Мазаль. Ты понесёшь меня на руках, потому что дед тебе сказал?

Шимшон. Нет! Потому что я люблю тебя!

Мазаль. А я тебя!

Шимшон. *(Продолжая нести Мазаль).* А дома тебя ждёт сюрприз!

Мазаль. *(Кричит).* Какой?

Шимшон. *(Кричит).* Стихи, тебе посвящённые!

Мазаль. *(Кричит).* Я хочу их услышать сейчас!

Шимшон. *(Кричит).* Нет, только дома! При всех!

Шимшон проносит Мазаль на руках через всю сцену.

Занавес. Конец первой картины.

Вторая картина

Действие вновь переносится в частный домик Моше и Батцион на окраине города. Вечер того же дня. Хаим в беспокойстве ходит взад-вперед по двору. Батцион, плача и причитая, прибирает террасу.

Батцион. *(Выходя с террасы во двор).* Отец, родной, не знаю, что и думать. На душе так беспокойно.

Хаим. *(Стараясь держаться бодро).* А ты, родная, во-первых, сядь и перестань плакать. Во-вторых, разве ты не помнишь, что тебе сказала по телефону Мазаль?

Батцион. *(Садится на стул рядом со столиком и вытирает слёзы).* Что?

Хаим. Что они с Шимшоном помирились и скоро здесь будут.

Батцион. Да, помню, но их до сих пор нет! Где это видано и слышано, чтобы невеста за неделю до свадьбы убежала из дома? Что ей такого могла сказать Шошана? Какой позор! Неужели свадьба не состоится?

Хаим. *(Сядься на стул рядом с Батцион).* А я скажу тебе, состоится. Мне интуиция подсказывает!

Батцион. Дай-то Бог.

Хаим. Иначе, родная, и быть не может.

Батцион. А вдруг они опять поссорились? Вот будет позор, если свадьба не состоится! Ведь мы пригласили столько родственников, гостей с Кавказа, из России, Америки. А сколько денег потрачено! Заказан лучший в нашем городе зал торжеств! Неужели придётся отменять заказ, отменять свадьбу? Что о нас будут говорить люди?! *(Хватается за голову).* Позор! Какой позор!

Хаим. Ну что ты, дорогая, никак не успокоишься? Что за слова: позор, отменять, не состоится! Забудь их! Уверяю тебя: всё будет О'кей!

Батцион. Скоро к нам должен прийти кларнетист Эдик – руководитель музыкального ансамбля, чтобы договориться об оплате. Что мы ему скажем?

Хаим. Скажем, что свадьба непременно состоится, и чтобы му-

зыка была по высшему разряду. Кроме кларнета, он на каком-нибудь кавказском инструменте играет?

Батцион. Да, играет на зурне.

Хаим. О'кей! С удовольствием его послушаю. Чтобы горская свадьба была без нашей музыки и танцев? Это в принципе невозможно!

Батцион. Боюсь, как бы он не загнул цену за свой ансамбль!

Хаим. Пусть тебя это не волнует, родная! Если ансамбль нам пойдёт, мы за ценой не постоим!

Батцион. Как это понимать, отец?

Хаим. Государственная тайна! Увидишь, дорогая!

Батцион. Я позвонила Тамаре и рассказала, что произошло. Боюсь, что она уже едет к нам!

Хаим. *(Хватается за голову)*. Что ты наделала? Что теперь будет! Что теперь будет!

Звучит звонок.

Батцион. Наконец-то, они!

Через калитку во двор входят два закадычных друга – ветеран войны Исроиль и пенсионер Нисим. В левой руке Исроиля сумка с книгами, в правой – палка для ходьбы. Хаим поднимается им навстречу.

Хаим. От души приветствую дорогих гостей! *(Протягивает руку)*. Хаим.

Батцион. *(Представляет)*. Это мой отец. Только сегодня прилетел из Америки. А это Исроиль и Нисим – друзья Моше.

Исроиль. *(Пожимая руку Хаиму)*. Исроиль. От души приветствую вас на Земле Обетованной.

Нисим. *(Пожимая руку Хаиму)*. Добрый вечер. Нисим. Рад видеть вас. Мы ваши соседи. Живём через несколько домов по этой улице.

Хаим. Близкий сосед лучше далёкой родни.

Исроиль. Верно, дорогой.

Батцион. Моше на работе. У вас к нему какое-то дело?

Исроиль. Нет, дела никакого нет, просто пришли проведать вас. Зашёл ко мне вчера Моше, мы с ним давно дружим, и сообщил, что сегодня его тесть прилетает из Нью-Йорка, чтобы быть на свадьбе его дочки. И...

Нисим. *(Перебивает).* Час назад я захожу к Исроилю поиграть в нарды, он сообщает мне эту важную новость, а я и говорю: «Давай навестим его». А он мне...

Исроиль. *(Перебивает).* А я ему: «Конечно, было бы неплохо, но как-то неловко. Человек только что из аэропорта, устал после длинной, тяжёлой дороги. Он должен отдохнуть, прийти в себя». А Нисим говорит...

Нисим. *(Перебивает).* А я говорю: «Человек за это время наверняка успел отдохнуть. Зачем откладывать на другой день то, что можно сделать сегодня?» И я его...

Исроиль. *(Перебивает).* И он меня убедил. Ничего, Хаим, что мы нагрянули к вам так неожиданно?

Хаим. Наоборот, очень рад с вами познакомиться. Пришедший гость – новая весть. Тем более что я действительно успел отдохнуть. Чувствую себя вполне сносно. *(Показывает на стулья возле столика).* Присаживайтесь, пожалуйста. **(Батцион).** Родная, принести гостям что-нибудь попить.

Батцион. Сейчас, отец. *(Уходит в дом, возвращается с напитками и стаканами на подносе).* Пейте, дорогие гости. **(Хаиму).** Родной, я что-то чувствую себя уставшей. Пойду, ненадолго прилягу.

Хаим. Иди, дорогая. Тебе пришлось сегодня много потрудиться. А как только придут молодые, я позову тебя.

Батцион уходит в дом.

Исроиль. Прежде всего, как себя чувствуешь, Хаим? Ничего, что на «ты»?

Хаим. *(Машет рукой).* Конечно, без официальных! И здоровый без недугов не бывает. Но я держусь, не даю болезням побороть меня! Ну а как ваше здоровье?

Исроиль и Нисим. *(Одновременно).* Как моё здоровье?

Исроиль. (*Нисиму*). Я имею право сказать слово первым? Всё-таки постарше тебя!

Нисим. Имеешь, имеешь.

Исроиль. Какое в мои годы может быть здоровье? Болезней целый букет. Всё-таки, друг, девятый десяток пошёл. Да и фронтовая рана даёт о себе знать. Слава Богу, что ещё хожу, хоть и с палочкой, по этой земле. С каждым годом чувствую тяжесть лет, а годы, как поёт Кикабидзе, наше богатство...

Хаим. Это верно, дорогой. А как твоё здоровье, Нисим?

Нисим. Спасибо. Пока Бог бережёт. На сон и аппетит не жалуясь. Каждый день бегаю по утрам и делаю зарядку. Хотите, анекдот расскажу?

Хаим. Расскажи, я люблю анекдоты.

Нисим. Так вот. Больной заходит к врачу. Врач был выпивший, пациент у него раздвоился, и он говорит: «Заходите по одному». Но пациент был тоже сильно пьяный, увидел не одного врача, а четырёх, и говорит: «К кому сперва обратиться?»

Хаим. (*Смеётся*). Забавный анекдот.

Исроиль. Очень смешной, хотя и слышал его уже тысячу раз. (*Смеётся*).

Нисим. Можно ещё?

Исроиль. Хватит! А то ещё уморишь нас своими анекдотами. Не для этого мы заглянули к Хаиму в гости. Расскажи, дорогой, как там жизнь, в Нью-Йорке? Кто много жил, тот много знает.

Хаим. Я бы сказал, не тот много знает, кто много живёт, а тот, кто много повидал. Нью-Йорк – колоссальный город, и, скажу, производят впечатление Статуя Свободы, небоскрёбы на острове Манхеттен, Бруклинский мост, Метрополитен-музей. Всё это надо видеть.

Исроиль. К сожалению, мне это уже не дано увидеть. Разве что по телевизору.

Нисим. А я ещё не теряю надежду увидеть Америку собственными глазами.

Исроиль. А жизнь в Америке дорогая?

Хаим. Очень. Но если есть работа, то и живётся хорошо. Сколько же можно говорить обо мне? Расскажи Исроиль, пожалуйста, о себе.

Исроиль. Что говорить? Старость не радость. Старым стал – недовольным стал! Зато получаю здесь, в Израиле, приличную пенсию, как инвалид войны.

Нисим. Опять, друг, кичишься своими военными заслугами. Я что, виноват, что появился на свет на десять лет позже тебя!

Хаим. *(Горячо).* А я с тобой не согласен, Нисим! Народа без героев не бывает, и он должен знать своих героев. Мы должны поклониться Исроилью до земли за то, что он добывал с Красной армией победу, за то, что спас Европу от гитлеровского рабства, а еврейский народ – от полного уничтожения! Мой отец, да будет ему светлая память, сражался в войну в танковых войсках и погиб в битве на Курской дуге.

Нисим. Что ж, я готов поклониться до земли. *(Встает и низко кланяется Исроилью).* Родина тебя не забудет!

Исроиль. Прекрати паясничать.

Нисим. Я не паясничая, я серьёзно. *(Садится на стул).*

Хаим. А ты на каком фронте воевал, Исроиль?

Исроиль. На первом Белорусском. Под конец войны под командованием самого Жукова! Воевал в артиллерии, которую называли «королевой войны». Дошёл до столицы фашистской Германии, участвовал в штурме Берлина. Во время штурма был тяжело ранен осколком в ногу и полгода пролежал в госпитале. Слава Богу, вылечился и остался жив. Впрочем, чего я рассказываю? Принёс тебе, Хаим, нашу «Кавказскую газету», в которой напечатан очерк о моём боевом и трудовом пути. *(Достаёт газету из сумки и показывает статью Хаиму).* Из неё узнаешь всё более подробно.

Хаим. Да, вижу твоё фото с орденами. Приятно удивлён, что в Израиле выходит «Кавказская газета». Я и не знал этого! О'кей! Непременно почитаю. *(Быстро просматривает газету и кладёт её на стол).*

Исроиль. Мы очень любим нашу газету, потому что она открывает нам новые страницы нашей истории и культуры и пишет о том, чем живёт и дышит община горских евреев в Израиле.

Нисим. А я предпочитаю разгадывать кроссворды. Весёлое занятие!

Хаим. О'кей! А ты сам, Исроиль, из каких мест?

Исроиль. Из Нальчика. До чего красивый город в окружении зелёных гор! Мне до сих пор снятся его голубые ели.

Хаим. А чем ты занимался после войны?

Исроиль. Строительством домов. Я же по профессии инженер-строитель. Видимо, строил неплохо, если мне присвоили звание «Заслуженный строитель Российской федерации».

Хаим. Поздравляю! А как тебе жилось при Советской власти? Скажу, в Америке я прочитал столько литературы о злодеяниях большевиков и Сталина, что история России после семнадцатого года мне представляется совсем в другом свете. Мы же не знали всей правды, даже после разоблачения Хрущевым культа личности. Истреблять собственный народ, его лучших представителей – это просто в сознании не укладывается!

Исроиль. А я бы не торопился бросать камни в Советскую власть. Да, имели место репрессии, миллионы невинных людей гнили в лагерях, но нельзя забывать, что сделала Советская власть для развития малых народов России, в том числе, для нашего горско-еврейского. Ты, дорогой Хаим, наверное, должен знать, что в 1927 году в Москве проходило Первое всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди горских евреев, и мой отец в Нальчике участвовал в реализации его решений. За исторически короткий срок у нас появились своя письменность и свои писатели, свои учебники, книги и газеты, своя высокообразованная горско-еврейская интеллигенция. Разве это было бы возможно без Советской власти?

Хаим. Парадокс истории!

Нисим. (Исроилью). Ты дашь мне слово сказать?

Исроиль. Теперь говори.

Нисим. И я тоже обеими руками за Советскую власть. Я сам из Грозного, работал на нефтепромыслах, имел приличную зарплату и премии. Жил как у Бога за пазухой: и деньги тебе, и почёт! А как началась эта злополучная горбачёвская перестройка, так всё начало рушиться: и дружба народов, и обеспеченная жизнь. С прилавков магазинов всё исчезло, наступил страшнейший дефицит, появились километровые очереди. А как воцарился Ельцин, так и вовсе всё окончательно рухнуло. И началась чеченская война. Они, видите ли, тоже захотели независимости. В Грозном повсюду убийства, грабе-

жи. И кого это коснулось в первую очередь? Конечно нас, горских евреев. Ничего не оставалось делать, как бежать из этой кровавой мясорубки, пока тебя и твою семью не отправили на тот свет. А куда бежать? Конечно же, сюда, в Израиль. Еле ноги унесли.

Хаим. Парадокс истории!

Исроиль. А я с семьёй переехал в Израиль скорее из сионистских побуждений. Привёз с собой из Нальчика книжку стихов на русском языке своего земляка – нашего замечательного горско-еврейского поэта Давида Шабаяева, кстати, также ветерана войны. И как я обрадовался, когда в одном из номеров «Кавказской газеты» прочитал что, что Давид тоже в Израиле. *(Вытаскивает из сумки книжку Шабаяева)*. Хочешь, Хаим, я прочитаю тебе одно из его стихотворений?

Хаим. Конечно, почитай. Я с удовольствием послушаю.

Нисим. А вот стихи не по моей части! *(Встаёт из-за стола и отходит в сторону)*.

Исроиль. *(Читает)*. Стихотворение «У Эльбруса»:

Здесь каждый камень мне знаком.
Весенним солнцем даль залита.
Эльбрус под белым башлыком
Похож на старого джигита.

Внизу цветы, а выше – снег,
И всё труднее подниматься.
Величьем гор и буйством рек
Я не устану удивляться.

Когда-то здесь была война,
И егеря к вершине рвались,
Они навечно здесь остались –
Судьба была предreshена.

Вся в блёстках горная гряда.
Сверкая гранями алмаза,
Стоит Эльбрус, как тамада,
Среди могучих гор Кавказа.

Хаим. *(Хлопая в ладоши).* Великолепные стихи! Сразу вспомнил Дербент, откуда я родом, и окружающие его горы. А слова «похож на старого джигита» не про нас ли с тобой?

Исроиль. Про нас, про нас.

Хаим. А в Израиле есть горы?

Нисим. *(Остановившись возле столика).* Какие здесь могут быть горы?

Исроиль. Мало, но есть! Сразу видно, Нисим, что ты не ездил с экскурсиями по стране.

Нисим. А что я там не видел?

Исроиль. Много чего. Так вот, в Израиле есть Иудейские горы, Негевские горы, Самарийские горы, Галилейские горы, гора Кармель...

Нисим. *(Перебивает).* Это разве горы? Смех один! *(Смеётся).*

Исроиль. Да, они не высокие, до 1000 метров. Но есть и выше. Гора Мерон на севере возле Цфата – 1208 метров, а гора Хермон на границе с Ливаном – аж 2224 метра и почти круглый год покрыта снегом! У нас – её южная часть, а северная – на территории Ливана, поднимается аж еще до 2814 метров! Ну, почти, как горы Кавказа!

Нисим. Ну разве что Хермон похож на гору!

Исроиль. Наверное, поэтому, Хаим, нас здесь чаще называют не горскими евреями, а выходцами с Кавказа.

Хаим. О'кей! Всё это, друг, мне очень интересно.

Исроиль. *(Кладя в сумку книжку Шабая и вынимая оттуда две другие книги).* А я к тебе, дорогой Хаим, пришёл не с пустыми руками. Хочу подарить тебе две книги, вышедшие здесь, в Израиле. Это особые и во всех отношениях замечательные книги, в которых напечатаны произведения наших горских писателей, поэтов и художников. *(Показывает первую книгу).* Это альбом «Краски времени», в котором можно увидеть не только израильские сюжеты, но и пейзажи наших родных мест в Дагестане, Азербайджане и на Северном Кавказе. *(Протягивает альбом Хаиму).*

Хаим. *(Принимая альбом и перелистывая его).* Спасибо, дорогой Исроиль. О, я вижу в альбоме виды моего родного Дербента. Какие сочные краски!

Исроиль. *(Показывая вторую книгу).* А это – альманах «Аста-

райму» - «Наша звезда», где ты найдёшь прозу и стихи на горско-еврейском, русском и даже на иврите. Это мой тебе подарок от всей души! *(Протягивает книгу Хаиму).*

Хаим. *(Принимая альманах и перелистывая его).* Ты не можешь представить, Исроиль, как я благодарен тебе. Эти книги – поистине бесценный подарок, тем более что я большой охотник до чтения произведений наших писателей. Смотри, в альманахе напечатаны новеллы о хитроумном Шими Дербенди моего любимого писателя Хизгила Авшалумова!

Нисим. К сожалению, его уже нет в живых.

Хаим. Да, я это знаю. Это огромная потеря для нашей горско-еврейской литературы. Пусть будет светлой его память! О, здесь напечатан рассказ «Шими на свадьбе»! Прочту-ка его. *(Читает):* «Однажды Шими пригласили на свадьбу. Когда Шими пришёл туда, она была в полном разгаре. В просторном дворе с небольшим, хорошо ухоженным садом гости сидели за накрытыми столами, ели, пили, веселились. А музыканты то и дело играли танцевальные мелодии. Каждый, кто танцевал, смотря по своему карману, бросал музыкантам деньги «ай шабаш» - по рублю, по два, а иные по три в разноцветный поднос, стоявший перед ними на столе». Так. Про этого пузатого «дежежного мешка» пропустим. И концовка: «Перед тем, как покинуть танцевальный круг, Шими тоже засунул руку в карман и лёгкой танцевальной походкой подошёл к музыкантам. Он на минуту остановился перед бубнистом, не спеша, вынул из кармана монету в 20 копеек и торжественно прилепил её ко лбу музыканта, как это и полагалось танцору по старинному обычаю. Заметив на постном лице бубниста выражение досады и откровенного недовольства, Шими тихо наклонился над его ухом, вроде собираясь сказать ему что-то по секрету, но проговорил нарочно громко, чтобы все гости слышали, одновременно тыча пальцем в толстяка-заготовителя: «Ты, сынок, не обижайся на меня, старика, что я пожертвовал вам не такой «ай шабаш», как тот толстопузый. Но зато у меня деньги, ей Богу, до единой копейки, честно заработанные, трудовые». *(Смеётся).* Вот как здорово Шими утёр нос этому зазнайке и гордецу, заготовителю шерсти!

Исроиль. *(Смеётся).* Не даром писатель назвал его Хитроумным Шими Дербенди!

Нисим. (Смеётся). Да, с большим юмором был товарищ! (садится за столик).

Хаим. Меня волнует вот какой вопрос. Когда горские евреи стали в большом количестве уезжать с Кавказа в Израиль, Хизгил выступил против их выезда! Более того, чтобы обосновать это, он вернулся к старой исторически неверной идее, будто мы не горские евреи, а таты, не имеющие никакого отношения к древним двенадцати коленам Израиля. А мне думается, что истинная причина его негативного отношения к выезду горских евреев заключается в том, что он боялся потерять на Кавказе своих многочисленных читателей – поклонников его творчества. Кроме того, видимо, он опасался, что горские евреи в израильском «плавильном котле» могут потерять свой язык, свою литературу, культуру, обычаи, традиции... Так вот. Я хотел бы спросить вас, друзья, оправдались ли опасения нашего любимого писателя?

Нисим. (Вскакивая с места и начиная ходить взад-вперёд). Оправдались, полностью оправдались.

Исроиль. (Нисиму). Ты дашь мне сказать первому, как более старшему по возрасту?

Нисим. Я и так знаю, что ты скажешь!

Исроиль. Ты знаешь, а Хаим не знает!

Нисим. (Тоном председателя собрания). Слово предоставляется Исроилу.

Исроиль. (Улыбаясь). Спасибо. Можно сидя?

Нисим. Можно!

Исроиль. Так вот, начнём с того, что горские евреи начали выезжать с Кавказа в Израиль не 20-30 лет назад, а значительно раньше, ещё в середине XIX века! Сначала они обосновались в Иерусалиме, а затем переехали в Тель-Авив, где в районе старой Центральной автобусной станции создали свой кавказский квартал, а внутри него построили синагогу. Я однажды был в этой синагоге и остался в восхищении от её красоты! А в начале XX века группа горских евреев во главе с раби из Дербента Яковом Ицхаки основала в Израиле большое сельскохозяйственное поселение, ставшее потом городом, который называли в честь их раби Беэр-Яков, что означает «колодец Якова». Там до сих пор проживает немало горских евреев.

Хаим. (С удивлением). Какой интересный факт. Я и не знал этого!

Нусим. (Вскакивая с места, Исроилью) Ты кончил говорить? (Садится).

Исроиль. Ещё нет. Однако на твой вопрос, дорогой Хаим, ответить не так просто. С одной стороны, у нас в стране есть большая горско-еврейская община, внутри которой кипит жизнь, в городах, где проживают горцы, имеются центры выходцев с Кавказа, постоянно проводятся выставки, концерты и фестивали горско-еврейской культуры. У нас есть свой Союз писателей и свой Союз художников, свой горско-еврейский театр, ансамбли кавказского танца, у нас выпускаются книги и альбомы на горско-еврейском, русском и даже стихи на иврите, строятся и открываются новые синагоги... Да и во всём мире в последнее время наблюдается настоящий бум в отношении интереса к нашей истории и культуре. Только у нас, в Иерусалиме, прошли две Международные научные конференции, посвящённые горским евреям. А ещё у вас, в Нью-Йорке, в Баку, в Москве... Вышло множество книг по истории и культуре горских евреев, а также несколько словарей нашего языка, причём с использованием различных алфавитов. В Израиле и других странах издаются наши газеты, а в Москве начал выходить международный журнал горских евреев «Миньян»...

Хаим. Как отраднo всё это слышать! А есть ли в Израиле среди горских евреев те, кто чем-либо выделился, прославился, кто пробился и преуспел в политике, экономике, науке, культуре?

Исроиль. (С гордостью в голосе). Конечно, есть! Это наши чемпионы по вольной борьбе, победители музыкальных и танцевальных конкурсов, наши учёные, врачи, адвокаты, наши бизнесмены и менеджеры, поэты и писатели, журналисты и художники! Несколько наших ребят стали заместителями мэров городов, и, я верю, недалёк тот час, когда у нас появится и свой мэр города! В этом вопросе я националист!

Хаим. О'кей! Вот это я понимаю! А есть ли представители нашей общины в вашем Кнессете?

Исроиль. Пока ещё нет, но я верю, что будут. Обязательно будут!

Нусим. (Снова вскакивая с места). Ты кончил говорить? (Садится).

Исроиль. Ещё нет. Потерпи маленько! А сколько представителей горско-еврейской интеллигенции приехали с разных мест Кавказа и продолжают в Израиле свою научную и творческую деятельность?! Кроме того, в Министерстве абсорбции есть целый отдел, который занимается помощью и разными программами для горских евреев в Израиле. Но, с другой стороны, в Израиле имеется часть горских евреев, которые начинают забывать свой язык, культуру, национальные традиции, теряют интерес к нашей истории, литературе и растворяются в общей массе израильтян. Поэтому, Хаим, отвечая на твой непростой вопрос, скажу так: в своих опасениях наш Хизгил оказался частично прав...

Нисим. (*Ещё раз нетерпеливо вскакивая с места*). Так ты мне дашь, наконец, слово?

Исроиль. Теперь дам, хотя заранее знаю, о чём ты скажешь.

Нисим. Это ты знаешь, а Хаим не знает.

Хаим. Согласен с Нисимом. Каждый человек имеет право высказать своё мнение! Мы слушаем тебя, дорогой Нисим.

Нисим. (*Продолжая стоять, горячо*). Так вот, я считаю, что опасения Хизгила Авшалумова, если сейчас полностью не оправдались, то оправдаются в будущем. Да, против фактов не попрёшь: в Израиле существует горско-еврейская община, ведётся какая-то культурная, спортивная и прочая работа. А что дальше? Пройдёт время, и горские евреи, интегрируясь в израильское общество, перестанут говорить на своём языке.

Хаим. Почему?

Нисим. Потому что он им будет не нужен. Останутся только иврит и английский. Даже русский язык под вопросом.

Исроиль. Я с тобой в корне не согласен!

Нисим. Подожди, я ещё не кончил! Но я ничего в этом плохого не вижу! Растворение горско-еврейской общины, как и других общин, в израильском обществе – это естественный процесс, который остановить невозможно. Но меня это не пугает. Наоборот! Я по убеждению интернационалист. Был и останусь им навсегда!

Хаим. О'кей! Мы все в бывшем Союзе воспитывались в духе пролетарского интернационализма, а чем всё это кончилось? Полным развалом Советского Союза!

Нисим. И это потому, что каждая союзная республика возгордилась в своём национальном превосходстве и объявила о пресловутом суверенитете. В этом все беды! Вот почему я сторонник интеграции и не чувствую себя горским евреем.

Исроиль. (*Вставая со стула, горячо*). Ты не чувствуешь себя горским евреем? Ты хочешь отречься от наших корней? Отказаться от наших обычаев и традиций, забыть нашу культуру и язык? Хочешь уподобиться Ивану, не помнящему своего родства, без роду, без племени? В таком случае, мы перестанем существовать, как горско-еврейский народ и уподобимся людям, не признающим своих отца и мать.

Нисим. Ну ты слишком хватил, Исроиль!

Хаим. (*Вставая со стула*). Вижу, от жаркого спора разразится драка!

Нисим. Ведь ты, Хаим, сам сказал, что каждый человек имеет право на своё мнение!

Хаим. Да, сказал. И теперь выскажу своё мнение: горский еврей – это звучит гордо!

Нисим. Смотря для кого!

Исроиль. Для тех, кто чувствует себя горским евреем.

Нисим. (*Махнув рукой*). Ладно. С упрямым человеком не спорят! (*Хаиму*). Мне нужно отлучиться на несколько минут.

Хаим. Конечно, иди. Надеюсь, знаешь, что где находится в доме?

Нисим. Знаю. Не раз приходил к Моше в гости. (*Уходит в дом*).

Исроиль. Ну что скажешь о нашем друге-интернационалисте?

Хаим. Говорить нечего.

Исроиль. Постоянно спорим, ругаемся, а одного дня друг без друга не можем!

Хаим. (*Улыбаясь*). Значит, побеждает мужская дружба?

Исроиль. Это так. (*Помолчав*). Хотя, дорогой Хаим, я доволен, что живу в Израиле, есть проблемы, которые не дают мне покоя.

Хаим. Что у человека болит, там и его душа.

Исроиль. (*Вздыхает*). Верно. Полгода назад я похоронил жену.

Хаим. (*Обнимая Исроиля*). Положи твою сердечную боль на мою – я привыкший. Потерял свою дорогую жёнушку больше двух лет

назад. Мы с тобою братья по несчастью. Прими мои глубокие соболезнования. Пусть будет светлой её память.

Исроиль. *(Обнимая Хаима).* А ты мой. *(Вздыхает).* Но проблема в другом. Поминки по умершим в Израиле остались такими же, как были на Кавказе. Уговорили меня родственники и друзья сделать пышные похороны, а теперь мне стыдно вспоминать об этом. Закатил пир на семь дней! Денег ухнул столько, что до сих пор отдаю долги. Куда это годится?

Хаим. Да, согласен - дурная традиция! Получается, для мёртвого человека больше расходов, чем для живого? Это даже выглядит кощунственно перед памятью близких. С этим порочным явлением надо бороться!

Исроиль. Второе, что меня волнует, - это наша молодёжь. Я не хочу сказать, что вся наша молодёжь никудышная. У нас много парней и девочек, которые хорошо учатся, прекрасно служат в израильской армии и потом находят себе достойное место в израильском обществе. Но есть и такие, кто бросает учёбу, стремится избежать службы в армии, увлекается наркотиками, не испытывает уважения к старшим, а чтобы в синагогу пойти, об этом вообще речи нет! К сожалению, у меня с одним из внуков такая проблема. Приходится с ним воевать, прямо, как на войне!

Хаим. Это очень грустно, Исроиль. Приведи внука сюда, ко мне, я попробую с ним поговорить.

Исроиль. Спасибо. Обязательно приведу. Может, он тебя послушает как человека со стороны. И третья проблема, которая беспокоит меня, это отсутствие единства в нашей общине. Мы должны относиться друг к другу как-то более терпимо, более уважительно. Я уверен, что мы тогда полюбим Израиль, когда научимся любить друг друга. У нас есть сильные, авторитетные лидеры, которые могут повести общину за собой и обеспечить победу наших представителей на выборах в Кнессет!

Хаим. Да, мой дорогой Исроиль, это очень важно!

Из дома выходит Нусим.

Исроиль. А вот и наш друг – интернационалист Нусим! *(Хаиму).* Я тоже хочу отлучиться ненадолго. *(Уходит в дом).*

Нисим. (Подходя к Хаиму). Ну что ты скажешь, Хаим, о нашем друге-националисте Исроиле?

Хаим. Очень мудрый, уважаемый человек.

Нисим. Мы всё время спорим, ругаемся с ним, а одного дня друг без друга не можем!

Хаим. (Улыбаясь). Значит, побеждает мужская дружба?

Нисим. Выходит, что так. Я бы хотел посоветоваться с тобой по одному деликатному вопросу. Есть у меня личная проблема, вернее, семейная.

Хаим. У каждой головы своя боль. Говори, дорогой. Чем смогу, тем помогу.

Нисим. Да вот подумываю, не развестись ли мне с женой?

Хаим. На старости лет разводиться? А как зовут твою жену?

Нисим. Люба.

Хаим. Какое красивое имя! Любовь! По-моему, ты сделаешь большую глупость.

Нисим. Нет. Ты сначала послушай меня. Мы прожили вместе почти сорок лет, вырастили четверых детей. Они женились, отделились и со своими семьями разлетелись в разные стороны. А мы остались одни, живём на пенсии, скромно, но на самое необходимое хватает. Да и дети иногда помогают нам.

Хаим. Так в чём же дело, Нисим? Почему ты надумал разводиться?

Нисим. Да дело в том, что с некоторых пор жена стала писать стихи и, представь себе, на горско-еврейском языке!

Хаим. Ну и что в этом плохого? Ты должен радоваться, что жена пишет стихи, да ещё и на нашем языке!

Нисим. Радоваться? Из-за этих стихов она так возгордилась, что вышла из всякого подчинения! «Я, - говорит, - творческая личность, что хочу, то и делаю! Захочу, - говорит, - и в Союз писателей вступлю!» Она, видите ли – творческая личность! А кому нужны эти стихи, спрашиваю я? Вон сколько книг повыпустили, а их никто не читает! Куда это годится? Скажи, Хаим, разве можно жить с такой женой?

Хаим. (Смеётся). Ну и проблема у тебя, Нисим! Да, если в семье нет согласия, то и добра не будет! Вот что. Приходи с ней к нам се-

годня немного попозже. Будет любопытно взглянуть на творческую личность и послушать её стихи. О'кей?

Нисим. О'кей! Мы с женой обязательно придём. Мне очень важно услышать твой совет!

Из дома во двор выходит Исроиль, за ним следом Батцион.

Батцион. Чуть не проспала наших гостей, отец. Во-время встала.

Исроиль. Думаю, что нам пора уходить. Спасибо за тёплый приём. Было приятно познакомиться с тобой, дорогой Хаим! (*Берёт со стула сумку с книгой*).

Нисим. И мне тоже!

Исроиль. Да, чуть не забыл! Совсем недавно открылся исторический музей «Энергия мужества», посвящённый воинам-евреям – участникам различных войн. А в музее – выставка «Горские евреи: лица и судьбы». Я хочу, Хаим, пригласить тебя посмотреть со мной эту выставку. Там, в частности, ты увидишь фотопортрет нашего героя – генерала Иекутиэля Адама, который был израильским горско-еврейского происхождения и участником ряда арабо-израильских войн.

Хаим. Спасибо, дорогой, за приглашение. Я обязательно посмотрю эту выставку, но только не завтра, так как завтра я еду с внучкой в Иерусалим к Стене плача. Прощай, Исроиль (*обнимает его*), а с тобой, Нисим, мы ещё не прощаемся. (*Батцион*). Я пригласил Нисима и его жену Любу придти к нам сегодня попозже, чтобы послушать её стихи. Ты не возражаешь, родная?

Батцион. Конечно, нет. Мы с Любой очень дружим. До свидания, Исроиль. Желаю нашим соседям благополучия!

Хаим. О'кей! Ещё раз спасибо, Исроиль, за книгу, альбом и «Кавказскую газету». Всё будет прочитано. (*Вдруг спохватывается, идёт к террасе и достаёт из дорожной сумки два комплекта открыток*). У меня для вас тоже есть маленький подарочек – открытки с видами Нью-Йорка. Дарю вам на память о нашей встрече на Земле Обетованной.

Исроиль. (*Принимая открытки*). Спасибо, дорогой. Я очень тронут.

Нисим. (*Принимая открытки*). Я тоже, Хаим. Большое спасибо.

Гости направляются к калитке. Батцион переходит на террасу.

Хаим. О'кей! Я провожу вас. *(Провожает гостей до калитки и возвращается на террасу).* Как ты отдохнула, родная? Как себя чувствуешь?

Батцион. Слава Богу, отдохнула, чувствую себя намного лучше. А ты, родной, как себя чувствуешь?

Хаим. Вполне сносно, хотя и подустал от беседы с гостями...

Батцион. Но меня беспокоит, что до сих пор нет нашей Мазаль и Шимшона! Что же могло случиться?

Хаим. Я тоже начинаю беспокоиться. Пора бы им уже появиться.

Звучит входной звонок. Во двор через калитку, оставив её открытой, вбегает, запыхавшись от бега, Тамара.

Батцион. *(Выбегает с террасы во двор).* О, наконец, они! Нет. Не они. Это Тамара.

Хаим. *(Схватившись руками за голову).* Что теперь будет! Что теперь будет!

Батцион. Тамара, добрый вечер.

Тамара *(возбуждённым голосом).* Какой может быть добрый вечер? Где мой сын? Почему я его не вижу?

Батцион. Успокойся, дорогая! Сначала выслушай нас.

Тамара. Никакая я тебе не дорогая! Не хочу успокаиваться, не хочу слушать, пока не увижу Шимшона. Где он? Где Мазаль?

Батцион. Не волнуйся, сестра. Они скоро будут.

Тамара. *(Распалаясь ещё больше).* Я тебе не сестра! Что значит – скоро? Как я могу не волноваться? Твоя дочь сбежала из дома за неделю до свадьбы! Разве такое возможно? Вот как ты её воспитала!

Батцион. *(Начиная распалаться).* Я-то как раз воспитала её как надо! А вот ты воспитала своего сыночка никудышным образом! Каждому парню дочку доверять нельзя! А твой сын обманщик и бабник!

Хаим. *(Сходя с террасы во двор и хватаясь за голову, громко).* Да успокойтесь вы, наконец! Ну поссорились молодые, потом помирились! Всякое бывает! С минуты на минуту должны быть!

Тамара. *(Распалаясь ещё больше).* Что значит – должны быть?

Что значит – помирились? Если помирились, то почему их нет? Мой сын никогда не был обманщиком и бабником! А вот твоя дочка сбежала из дома и сорвала свадьбу! Позор! Какой позор!

Батцион. *(Распалаясь ещё больше).* Это из-за твоего прекрасного сыночка на нас обрушился позор!

Тамара. *(Кричит).* Нет! Это твоя прекрасная дочка во всём виновата!

Хаим. *(Кричит, пытаясь встать между двумя женщинами).* Да угомонитесь вы, наконец! Есть время войне и время миру! Сейчас – время мира! Успокойтесь, дорогие, ведь вас весь город может услышать!

Тамара. *(Кричит).* Пускай слышит! Пусть все знают, что творится в этом доме! Какой позор!

Батцион. *(Кричит).* Чтоб твой дом был всегда пустым!

Тамара. *(Кричит).* Чтобы у твоего дома обрушилась крыша!

Батцион. *(Кричит).* Чтобы весь твой дом взорвался!

Тамара. *(Кричит).* Чтоб ты хорошего дня не видела!

Батцион. *(Кричит).* Чтоб ты видела одни черные дни!

Тамара. Чтоб тебе всю жизнь на дороге застревать!

Хаим. *(Кричит, затыкая руками уши).* Сколько раз говорить вам? Угомонитесь! У меня у самого разболелась голова от вашего крика! Умоляю вас, успокойтесь и помиритесь! *(Встает между женщинами, готовыми цапнуться друг в друга).*

Батцион. Подожди, отец, я еще не все сказала! *(Тамаре, кричит).* Чтоб в твой дом не вошла и не вышла женщина!

Тамара. *(Кричит).* Чтоб тебе попалась злая невестка!

Батцион. *(Кричит).* От матери блудниц слышу!

Тамара. *(Кричит).* Чтоб у тебя печенка лопнула!

Батцион. *(Кричит).* Чтоб ты вся лопнула!

Тамара. *(Кричит).* Чтоб ты харкала все время кровью!

Батцион. *(Кричит).* Чтоб твои родственники сгорели, как горит сухое одинокое дерево.

Хаим. *(Продолжая затыкать уши руками, умоляющим голосом).* Сколько можно кричать? Никакая сила их не остановит! Хватит! Хватит! Хватит!

Во двор через открытую калитку входит Шимшон, неся на руках Мазаль. Батцион и Тамара тут же умолкают.

Хаим. *(С чувством облегчения отнимая руки от ушей).* Наконец-то, тишина в доме! Это они!

Шимшон осторожно ставит Мазаль на землю. Всеобщее изумление.

Шимшон. Вот и наша дорогая Мазаль. Доставил невесту домой в полной целостности и сохранности.

Батцион. Доченька! Наконец-то, я тебя вижу!

Мазаль. *(Улыбаясь).* Привет, мама! Привет, дедушка! *(Обнимает их).*

Шимшон. *(Увидев Тамару, подбегает к ней).* Как, мама, и ты здесь?

Тамара. *(Обнимает и целует сына).* Конечно, здесь! Наконец, я вижу тебя, родной сыночек! Как ты?

Шимшон. Всё в порядке, мама! Как видишь, жив и здоров!

Хаим. Как я рад видеть вас! Когда невеста входит в дом – благодать, когда уходит – разруха! Скажи, Шимшон, ты всю дорогу нёс мою внучку на руках?

Шимшон. *(С гордостью).* Да, дедушка Хаим, всю дорогу!

Хаим. Хвалю тебя, Шимшон. Теперь я вижу в тебе настоящего джигита! Батцион, принеси с террасы папаху!

Батцион бежит на террасу и возвращается с папхой.

Хаим. *(Принимает папаху и протягивает её Шимшону).* Держи, джигит, забирай свою папаху обратно. Теперь ты достоин её носить.

Шимшон. *(Надевает папаху).* Спасибо, дедушка Хаим. Мне приятно, что я не обманул ваших ожиданий.

Тамара. Как, сынок, ты всю дорогу нёс её на руках? Мне плохо! *(Падает на стул, руки безжизненно свисают).*

Шимшон. *(Подбегает к Тамаре, берёт её за руку).* Мама, что с тобой? Тебе надо срочно попить!

Мазаль. Я мигом! *(Бежит на террасу и возвращается со стаканом)*. Вот кока-кола. Тамара, попейте немного.

Тамара. *(Пьёт, тихо)*. И ты, сынок, теперь всю жизнь будешь носить её на руках?

Шимцион. Не волнуйся, мамочка! Моя Мазаль лёгкая, как пушинка!

Тамара. *(Вдруг вскакивает с места и кричит)*. Это она во всём виновата!

Батцион. *(Показывает пальцем на Шимциона и кричит)*. Это он во всём виноват!

Тамара. *(Кричит)*. Так свадьба состоится или нет?

Батцион. *(Кричит)*. Будет или нет?

Хаим. Опять зашумели! Умоляю, успокойтесь, дорогие!

Хаим подходит сначала к Мазаль, затем к Шимциону и что-то шепчет им на ухо. Те в знак согласия кивают головой.

Мазаль. Свадьба состоится, но... при одном условии. *(Улыбаясь, смотрит на Шимциона)*.

Шимцион. *(Улыбаясь, смотрит на Мазаль)*. Да, только при одном условии!

Батцион. При каком это условии?

Мазаль. Что вы с Тамарой немедленно в нашем присутствии помириться и обнимитесь!

Батцион. *(Показывает пальцем на Тамару)*. С нею? Никогда!

Тамара. *(Показывает пальцем на Батцион)*. С нею? Никогда!

Мазаль. Тогда и наша свадьба не состоится никогда!

Шимцион. Выбирайте!

Батцион. Не состоится?

Тамара. Не состоится?

Все замерли в нетерпеливом ожидании. Батцион и Тамара сначала стоят в отдалении, потом медленно сближаются и вдруг бросаются друг к другу в объятия.

Батцион. *(Целует Тамару)*. Дорогая Тамара, сестра!

Тамара. *(Целует Батцион)*. Дорогая Батцион, ты мне больше, чем сестра!

Батцион. Я люблю тебя!

Тамара. А я тебя еще больше!

Хаим. (Громко). О'кей! Значит, свадьбе быть! (Вместе с Шимшоном и Мазаль хлопает в ладоши). Чтобы вы видели счастье своих детей! (Шимшону и Мазаль). А теперь расскажите нам, что всё-таки произошло?

Батцион. Скажите, что?

Тамара. В самом деле, что?

Мазаль. Если в двух словах, то моя подруга Шошана обманула меня, сказав по телефону, будто Шимшон обещал жениться на ней.

Батцион. Как это так?

Шимшон. Именно так!

Тамара. Как она смеет?

Хаим. Злые языки страшнее кинжала!

Мазаль. Ну и я тут же выбежала из дома, чтобы выяснить с ней отношения.

Тамара. А куда?

Шимшон. В гараж. Тот самый, где я ремонтирую машины, а Шошана работает секретарём.

Мазаль. Работала! С завтрашнего дня, надеюсь, уже не работает! Так вот, вскоре туда прибежал и Шимшон, и выяснилось, что Шошана специально позвонила мне, чтобы сорвать нашу свадьбу!

Батцион. (Кричит). Почему? Что за наглость такая?

Тамара. (Кричит). Как она смеет, нахалка! Да я ей голову оторву!

Хаим. Что она хотела от Шимшона? Одна девушка только для одного парня!

Мазаль. Что? Она сама влюбилась в него и заявила, что не хотела, чтобы он женился на мне!

Батцион. (Кричит). Она, видите ли, не хотела! Мы её ещё спрашивать будем!

Тамара. (Кричит). Да ей мало голову оторвать за это! (Сжимая руки в кулаки). Я сама не знаю, что бы с ней сделала!

Хаим. Ну и как отреагировал на всё это наш джигит? В одном сердце две любви не уместятся!

Шимшон. (Улыбаясь и обнимая Мазаль). Да я никогда и не со-

бирался жениться на Шошане. Я уже сделал свой выбор, и мой выбор – Мазаль!

Мазаль. *(Обнимая Шимшиона).* Вы слышали это?

Тамара. *(Батцион).* Дорогая, теперь ты слышала, каким я воспитала своего сына?

Батцион. *(Тамаре).* Слышала, дорогая! *(Шимшиону и Мазаль).* Я думаю, что эта Шошана просто позабавила вашему счастью!

Хаим. Зависть – причина всех зол!

Тамара. Страшнее не бывает!

Хаим. О'кей! Как сказал Шекспир, все хорошо, что хорошо кончается! А мы, горцы, говорим: кто в начале испытал трудности, в конце будет счастлив!

Батцион. А теперь, мои родные, приглашаю вас на террасу к столу. Настало время ужина. На вечер я приготовила плов из баранины.

Хаим. О'кей, родная. Что я особенно люблю, так это плов из баранины.

Батцион. Тамара, сестра, надеюсь, ты останешься с нами на ужин?

Тамара. *(Смотрит на часы).* Время ещё есть, дорогая. Останусь ненадолго, отведаю твой плов, и затем мы с Шимшоном пойдём домой.

Шимшион. Прекрасно, мама!

Батцион. Дочка, сможешь накрыть на стол?

Мазаль. Конечно, мама. И Шимшон нам поможет.

Шимшион. Без сомнения.

Хаим. Пока вы накрываете, может, Мазаль поставит нам диск с песнями какого-нибудь горского поэта, живущего в Израиле? Тамара, ты не возражаешь?

Тамара. Конечно, нет. Я люблю слушать наши песни.

Мазаль. Я мигом, дедушка. *(Убегает в дом).*

Все переходят на террасу. Батцион начинает хлопотать у стола, на котором уже стоит посуда. Вскоре на террасу из дома выбегает Мазаль с диском в руках.

Мазаль. *(Показывает Хаиму диск).* Вот он. Это диск с песнями нашего поэта из Дагестана Бориса Ханукаева. Он только недавно появился у нас. Здесь есть песня, посвящённая нашему родному городу Дербенту, очень красивая!

Хаим. О'кей! Послушаю с большим удовольствием.

Мазаль включает песню о Дербенте, а затем вместе с Шимшоном уходит на кухню. В конце песни раздаётся звонок. Мазаль вбегает и выключает музыку.

Хаим. Какая чудесная песня! Я как бы перенёсся в свой родной Дербент!

Тамара. Мне песня тоже очень понравилась!

Мазаль. К нам, кажется, гости. Побегу открывать калитку! *(Выбегает во двор).*

Хаим. *(Тамаре).* А я догадался, кто это.

Тамара. Кто?

Хаим. *(Улыбаясь).* Сейчас увидишь!

На террасу вместе с Мазаль входят Нисим и Люба. Им навстречу встают Хаим и Тамара. Батцион и Шимшон, хлопотавшие у стола, также подходят к ним. Все дружно приветствуют гостей.

Батцион. Добро пожаловать, гости дорогие!

Нисим. Добрый вечер. *(Хаиму).* Это моя жена Люба.

Хаим. *(Протягивая Любе руку).* Приятно познакомиться. Хаим, дед нашей невесты Мазаль.

Люба. Мне тоже приятно познакомиться. Всем добрый вечер.

Батцион. *(Любе).* А это мама нашего жениха Тамара.

Тамара. *(Обнимая Любу).* Рада вас видеть.

Люба. Я тоже.

Тамара. *(Любе).* А это мой сын Шимшон, жених Мазаль.

Шимшон. *(Протягивает руку).* Рад с вами познакомиться.

Люба. Я тоже.

Шимшон. *(Любе и Нисиму).* А это моя невеста Мазаль.

Люба. *(Улыбаясь и обнимая Мазаль).* А мы уже давно знакомы. Соседи всё же.

Мазаль. *(Улыбается и обнимает Любу).* Познакомимся ещё раз.

Батцион. А теперь, родные, приглашаю всех к столу. *(Нисиму и Любе).* Как вовремя вы пришли! Прямо к ужину. Прошу отведать мой плов.

Все усаживаются за стол, во главе которого садится Хаим.

Люба. А почему я не вижу Моше и Шауля?

Батцион. Моше на работе, будет поздно, а Шауль в синагоге. Прошу наполнять тарелки. На столе всего вдоволь: салаты, закуски, зелень, рыбка и, конечно, плов. Для желающих есть острая приправа к нему.

Хаим. Дочка, а про вино забыла?

Батцион. *(Спohватившись).* Действительно, в хлопотах забыла. Мазаль, родная, принеси из кухни две бутылки вина и штопор не забудь.

Мазаль. Я мигом, мама. *(Убегает в дом и быстро возвращается с двумя бутылками вина и штопором).* Вот прекрасное израильское вино «Царь Давид». *(Ставит на стол).*

Хаим. О'кей! Шимшон, поручаем тебе открыть первую бутылку и разлить вино по бокалам. У меня, дорогие мои, приготовлено несколько тостов. Но сначала попробуем плов моей Батцион. *(Ест).* Скажу, - очень вкусный.

Все едят и шумно хвалят плов.

Хаим. Ну а теперь перед первым тостом предлагаю послушать Любу. От Нисима я узнал, что вы недавно начали писать стихи на нашем языке.

Нисим. На мою беду!

Люба. Да, я начала сочинять стихи на горско-еврейском языке всего несколько лет назад. До этого стихов никогда не писала. Сама не знаю, как это случилось. Однажды села за стол, попробовала и – получилось. Прочитаю вам одно из своих первых стихотворений, которое я посвятила 50-летию Израиля. *(Вытаскивает из кармана сложенный листок).* Взяла с собой листочек для страховки, если вдруг забуду. Вот. *(Читает по листочку стихи).*

Э Муъзет 50-сали Исроил

Пенжогъ сал пушоте хэлгъгъой Исроил,
Эри руз азади дарафдет э гъовхо
Имогъой у бири сэхьиб муълк ве богъгъо,
Динжире винирет хэлгъгъой туь, Исроил.
Четине рузгъоре шушде берд тегъер сайл,
Богъгъойму геймишуьшуьт чуьн вассал,
Генедеш кумеки эри хэлгъ до Ватан,
Хушбэхд бу гуфдире хэлгъгъой туь, Исроил.

Э гъовхо мибердуьт ферзендгъой имуре,
Увэхди хьэрекет сохдут дир небире,
Овурдет азади э и рэхъ жун норе,
Тэгърифи Ватан игидгъой Исроил.

Бигъил бу сал-бесал улкейму деш жовон,
Эз богъгъо- богъчегъо биёвгу буй рейхьон,
Угъоют гьеммешу ярашуьгъ эн инсон,
Э тегъер гуьллую богъ мибоши, Исроил.

По окончанию стихов все дружно аплодируют, кроме Нусима.

Хаим. Браво, Люба! Великолепные стихи!

Люба. Спасибо. А то я боялась, вдруг не понравятся? (*Протягивает листочек со стихами Хаиму*). Возьмите, Хаим, эти стихи от меня на память.

Хаим. (*Принимая листочек и кладя его в карман сорочки*). Большое спасибо, Люба. Я буду хранить ваши стихи до конца своей жизни! И мой первый тост – за Израиль, которому Люба посвятила такие прекрасные стихи!

Все дружно чокаются и пьют с возгласами: «За Израиль! За родину предков! За землю, дарованную нам Всевышним!»

Нусим. (*В наступившей тишине*). За Израиль я выпил, а вот стихи не могу назвать прекрасными. Ничего особенного. И как они рождаются – непонятно.

Хаим. Душа рождает, ум осмысливает!

Люба. *(Нисиму).* Смысл слова поймешь тогда, когда узнаешь тайну души человека.

Нисим. Тайну души! А я вообще не понимаю, для чего пишутся стихи. Они не приносят никакой прибыли!

Хаим. Вещи и деньги не дадут ни ума, ни чести!

Люба. *(Нисиму).* При чем тут прибыль? Ты должен уважать во мне творческую личность!

Нисим. Опять заладила свое: творческая личность!

Хаим. Кто не уважает другого, того и Бог не уважает!

Люба. Недавно я показывала стихи одной известной горско-еврейской поэтессе. Она похвалила их и сказала, что с ними меня могут принять в Союз писателей Израиля, только вначале мне надо издать книжку своих стихов, или хотя бы напечатать их в каком-нибудь журнале.

Нисим. А где мы возьмем деньги на издание с нашей нищенской пенсией? Мы ведь живем в капстране, а не в соцстране, где авторы за свои книги получали бешеные гонорары.

Люба. Ничего. Деньги найдутся. Дети помогут!

Хаим. Я тоже подумаю, как можно помочь вам. Таланты надо поддерживать!

Все дружно аплодируют, кроме Нисима.

Люба. Недаром говорят: из уст мудреца пословицы сыплются, из уст дурака – шелуха!

Нисим. *(Вскакивая с места).* Это я дурак? Теперь вижу: развод неминуем! Ладно, дома поговорим!

Люба. Поговорим!

Нисим. *(Собираясь уходить, гневно).* Похоже, мне здесь делать нечего! Хоть вкусный плов поел! Пойду к Исроилу играть в нарды! Счастливо оставаться! *(Быстрой походкой выходит с террасы по направлению к калитке, громко).* Чтобы поздно не приходила, слышишь? *(Скрывается за калиткой).*

Люба. *(Негромко).* Слышу. Дома – петух, на людях – птенец.

Хаим. Да, кривое дерево выпрямить нельзя!

Люба. К сожалению, точно.

Хаим. Скажу так: если человек не найдет в жизни жену или мужа по себе, он всю жизнь будет плакать.

Люба. Вот я и наплакалась с ним, особенно последние годы. Привык видеть в женщине рабыню, которая должна исполнять все его прихоти! Говорит, таковы наши тысячелетние традиции. Да пропади они пропадом такие традиции! Прошли времена, когда женщину безнаказанно можно было угнетать и третировать! У нас, женщин, тоже есть чувство собственного достоинства. *(Хаиму)*. Правильно я говорю?

Хаим. Скажу больше: честь женщины – гордость мужчины!

Люба. Но не такого, как Нисим. Да, развод – лучший выход из положения! Спокойствие в жизни дороже всех богатств!

Хаим. Но человека не украшает одиночество.

Батцион. Путь в одиночестве кажется длинным.

Тамара. Если одинокий упадет, нет другого, чтобы его поднять!

Шимшон. *(Обнимая Мазаль)*. Вдвоем лучше, чем одному!

Мазаль. *(Обнимая Шимшона)*. Человек нуждается в человеке!

Люба. Человек надеждой живет. А вдруг я кого-нибудь встречу?

Хаим. Кто найдет жену добродетельную? Выше жемчуга цена ее!

Звучит звонок.

Батцион. Кто это может быть?

Хаим. *(Улыбаясь)*. Не музыкант ли?

Батцион. Наверно, он. А кому еще приходить? Мазаль, дорогая, иди открой гостю калитку.

Мазаль. Я мигом, мама! *(Выбегает с террасы к калитке и вскоре возвращается с музыкантом Эдиком, через плечо которого перекинута большая сумка)*.

Эдик. *(Представляясь)*. Добрый вечер, приятного аппетита. Я – кларнетист Эдик, руководитель музыкального ансамбля. Вы приглашали меня сегодня?

Батцион. *(Поднимаясь с места)*. Да, приглашали, Эдик. чтобы договориться о плате и музыкальной программе для свадьбы.

Эдик. Свадьба через неделю в зале торжеств?

Батцион. Да, через неделю в зале торжеств.

Эдик. А кто жених и невеста?

Мазаль. *(Громко).* Мы!

Шимшон. *(Обнимая Мазаль).* То есть, Мазаль и я, Шимшон.

Эдик. Очень приятно. Поздравляю с будущей свадьбой! Музыку заказывали?

Мазаль. А как же!

Шимшон. Свадьба без музыки – не свадьба!

Хаим. И музыка без свадьбы – не музыка!

Батцион. Может, сначала посидишь с нами за столом, Эдик, отведаешь плова, а потом все обсудим?

Эдик. *(Смотрит на часы).* Пожалуй, немного времени есть. Остаюсь, тем более, что хотел бы попробовать плов хозяйки.

Батцион. *(Эдику).* Вот свободное место, садись сюда. Вот тарелка, вилка, нож. Клади себе плов и все, что твоя душа пожелает. Кстати, знакомься *(представляет):* мой отец Хаим, только сегодня прибывший из Нью-Йорка.

Эдик. *(Сев за стол, протягивает Хаиму руку).* Рад познакомиться с жителем Нью-Йорка. Там у меня в Бруклине родственники есть. Приезжал к ним дважды. Так что имею представление о городе желтого дьявола!

Хаим. *(Пожимая через стол руку Эдику).* Рад приветствовать тебя, Эдик! Не встретились в Нью-Йорке, так встретились в Израиле! Очень уважаю музыкантов!

Батцион. *(Эдику).* Это Тамара, мама жениха.

Эдик. Очень приятно познакомиться с мамой жениха.

Тамара. Я тоже рада познакомиться с тобой. Без музыки свадьба не может состояться!

Батцион. *(Эдику).* Это Люба – наша соседка.

Эдик. Очень приятно. Соседям всегда желай благополучия!

Люба. Спасибо. Желаю тебе того же! *(Показывая рукой на Батцион).* А это Батцион, мама невесты!

Эдик. Это мы с вами договаривались по телефону? Значит, заочно мы с вами знакомы!

Батцион. *(Улыбаясь).* Получается так! А теперь, Эдик, можно приступать к еде. Приятного аппетита!

Шимшон. А я приготовил Мазаль сюрприз к свадьбе и обещал сегодня вечером вручить его ей.

Хаим. И что это за сюрприз?

Шимшон. Это стихи, которые я написал в честь своей любимой (*Обнимает Мазаль*).

Хаим. Стихи? Так ты у нас еще и ашуг?

Шимшон. (*Махнув рукой*). Какой я ашуг! Так, балуюсь стишками с детства для собственного удовольствия. Только, в отличие от Любы, пишу стихи на русском.

Люба. Стихи в честь любимой? Это очень любопытно. Надо послушать!

Тамара. А ты, сынок, зря скрываешь от людей, что пишешь стихи! Пусть все знают.

Батцион. Я хочу скорее услышать стихи, посвященные моей дорогой Мазаль!

Эдик. (*Прекращая есть плов*). Стихи в честь невесты? В наше время это редкость. Далеко не каждый жених посвящает стихи своей любимой! Я весь внимание!

Мазаль. Честно говоря, для меня это тоже полный сюрприз, так как Шимшон только час назад сказал мне об этом!

Шимшон. (*Поднимается с места и вынимает из кармана брюк красивую открытку*). Я немного волнуюсь... Ну, ладно. Вот эти стихи (*поворачивается в сторону Мазаль и читает с волнением в голосе*):

Посвящение любимой

Пусть скромный дан мне дар поэта,
Хочу в стихах воспеть я ту,
Кто стал дороже всех на свете,
И в чью влюблен я красоту!

Моя любовь к тебе не знает
Пределов, рамок и границ,
Её огонь во мне пылает,
Чарует взгляд из-под ресниц!

Изображали на картинах
Любимую во все века
Царицей мира, иль богиней,
Иль ангелом, чья плоть легка.

Но разве с кем-то ты сравнима?
Нет, в мире ты царишь одна!
Лишь в слове том – «люблю» вместило
Все, что ты значишь для меня!

Тебе, Мазаль, не бойся сглаза,
Счастливой быть дано судьбой.
И я клянусь, как сын Кавказа:
Моя любовь всегда с тобой!

По окончании чтения стихов все шумно аплодируют с возгласами «Браво!», «Молодец!», «Великолепно!», «Прекрасно!» Шимшон вручает открытку со стихами Мазаль и обнимает ее.

Мазаль. (Принимая открытку со стихами и целуя ее). Большое спасибо, любимый. Это лучший для меня подарок к нашей свадьбе!

Хаим. Ну, дорогой Шимшон, скажу: опять вижу в тебе джигита! Угодил ты моей любимой внучке. Спасибо тебе!

Люба. Стихи замечательные! Их мог написать только тот, кто по-настоящему любит свою невесту! И как удачно ты обыграл имя «Мазаль», что на иврите означает «счастье».

Тамара. (Батцион). Теперь ты видишь, дорогая, какой талантливый и любящий у меня сын!

Батцион. Вижу, дорогая, иначе моя дочка не пошла бы за него замуж!

Эдик. Признаюсь, и мне стихи понравились. Я даже подумал: не написать ли на них музыку? Кажется, должна получиться неплохая песня, которую мы смогли бы исполнить на свадьбе от имени жениха нашим ансамблем. Как ты относишься к этому, Шимшон?

Шимшон. Конечно, положительно! Мне будет лестно, а моей Мазаль приятно, если мои стихи прозвучат как песня на свадьбе!

Эдик. Тогда попозже я перепишу для себя слова из открытки.

Хаим. Настало время сказать второй тост. Шимшон, прошу тебя позаботиться о содержимом бокалов. Эдик, надеюсь, ты к нам присоединишься?

Эдик. *(Улыбаясь).* Почему бы и нет? Это дело для меня привычное.

Шимшон разливает вино по бокалам и садится на свое место рядом с Мазаль.

Хаим. *(Держа бокал с вином в руке).* О'кей! Сегодня в жизни нашей молодой пары был трудный день. Им выпало нелегкое испытание на свою любовь. И я скажу, что Шимшон с честью выдержал свой первый серьезный жизненный экзамен, доказав, что на свете еще существует любовь горца! И этот тост - за нее!

Все дружно чокаются и пьют с возгласами «За любовь горца!», «За молодую пару!», «За экзамен Шимшона!» и т.д.

Хаим. Но я еще не все сказал. Шимшон, дорогой, разлей, пожалуйста, еще бокалы! Хочу произнести еще один тост!

Шимшон. *(Поднимается с места).* С удовольствием! *(Берет в руку открытую бутылку вина и разливает его по бокалам).*

Хаим. О'кей! А сейчас я хочу сказать похвальные слова в адрес моей родной внучки Мазаль. В этом серьезном испытании, которое выпало сегодня на долю молодой пары, она проявила не по летам женскую мудрость. А мудрость – от ума, ум от сердца! Мудростью устроится дом и разумом утвердится! И разрушить, и красоту навести – все в руках женщины! Жена доблестная – венец мужу своему! Недаром говорят: все красоты мира – для женщины! Шимшон, милый мой, любовь женщины дорогого стоит! Как сказал наш мудрый царь Соломон, наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, все дни жизни твоей. Но здесь, друг, одной любви недостаточно. Ты должен каждый день беречь и лелеять нашу дорогую Мазаль, как нежный прекрасный цветок. Этот тост я поднимаю за женскую мудрость!

Все шумно чокаются и пьют с возгласами «За женскую мудрость!» «За счастье молодых!», «За мудрость Мазаль.» и т.д.

Эдик. Что-то я не вижу на столе воды.

Батицион. *(Вскакивая с места).* Совсем голову потеряла! Сейчас принесу! *(Убегает в дом и возвращается с двумя бутылками кока-колы).* Пожалуйста, Эдик! *(Наливает ему в стакан напиток).* Кому еще налить? *(Наливает стаканы и садится за стол).*

Шимшон что-то шепчет на ухо Мазаль и затем разливает вино по бокалам.

Мазаль. *(Поднимается с места с бокалом в руке).* А теперь разрешите мне сказать тост!

Возгласы: «Разрешаем!», «Говори, Мазаль!», «Мы тебя слушаем!» и т.д.

Мазаль. Так вот. В том, что сегодня всё разрешилось благополучно, есть и заслуга моего любимого дедушки Хаима. Я даже думаю, что если бы не он, то наша свадьба была бы под большим вопросом. И я предлагаю свой тост за нашего дедушку Хаима, за его мудрость и любовь к нам! Лехаим! *(Подходит к Хаиму, целует его и чокается с ним).* Мы тебя любим! Лехаим! *(Возвращается на свое место и выпивает часть бокала).*

Все шумно чокаются и пьют с возгласами «За нашего дедушку!», «За дорогого отца!», «За мудрость Хаима!», «За его здоровье!» и т.д.

Шимшон. *(Поднимается с места с бокалом в руке).* Я хочу добавить от себя еще несколько слов. Все мы знаем, что слово «Хаим» на иврите означает жизнь.

Хаим. Моя покойная матушка, вечная ей память, у которой я был первый, не случайно дала мне это имя, которое на горском звучит как Хьэим!

Шимшон. *(Продолжая стоять с бокалом в руке).* Так вот, есть прекрасная горская пословица: спокойствие жизни – в мудрости самого человека. Мой тост за мудрость дедушки Хаима, за то, чтобы он жил до ста двадцати и больше и чтобы нашел свое счастье! Лехаим!

Все дружно чокаются и пьют с возгласами «Лехаим!», «До ста двадцати!», «За мудрость Хаима!», «За то, чтобы он нашел свое счастье!» и т.д.

Хаим. *(Допив свой бокал).* О'кей! Спасибо жениху и невесте за добрые пожелания. Жизнь – это жизнь! Человек, сколько бы ни жил, все равно жизнью не насытится! Он может остановить часы, а вот время жизни – нет. И все же я обещаю прожить не менее ста двадцати, а вот найду ли счастье *(смотрит на Любу)*, пока не знаю. Впрочем, хотя годами стар, сердцем – молод. Человек надеждой живет. А в чем смысл жизни? На этот вопрос уже ответил наш мудрый царь Соломон: нет для человека ничего лучшего, чем веселиться и делать добро в жизни своей. Вот и развеселился я с вами, дорогие мои! Сердцу веселье – благотворное лекарство, а дух унылый сушит кости! А что нас так веселит, так это музыка! Ну что, дорогой Эдик, настала пора показать нам свое искусство, а потом поговорим о плате. Платить буду я! Это мой подарок молодым к свадьбе!

Все дружно аплодируют с возгласами «Спасибо, дорогой Хаим!», «Мы не ожидали!», «Какая щедрость!», «Раскрылась государственная тайна!», «Спасибо, родной!»

Хаим. *(В наступившей тишине).* Прежде, чем платить, я должен видеть товар лицом! Эдик, я слышал, что ты превосходно играешь на кларнете. А еще на чем?

Эдик. На нашем национальном инструменте зурне.

Хаим. Это именно то, что я хотел бы услышать. Сыграй нам на зурне какую-нибудь мелодию!

Эдик. Никаких проблем!

Эдик встает из-за стола, подходит к сумке, вынимает из нее зурну, готовится к игре, пробует звук и играет нежную горскую мелодию. В конце все дружно аплодируют с возгласами «Браво!», «Как здорово!», «Великолепно!»

Хаим. (*Прекращая хлопать*). О'кей! Хвала Эдику! Это настоящее искусство! Мелодия прямо за сердце хватает! И что меня радует – на свадьбе будут звучать наши горские мелодии и песни! И где – в Израиле!

Эдик. Да, здесь на горских свадьбах мы в основном играем кавказскую музыку!

Хаим. Меня давно занимает вопрос, на который я до сих пор не имею ответа. Может быть, Люба сможет ответить на него?

Люба. (*Улыбаясь*). Попробую вам помочь, Хаим. Смотри, какой вопрос.

Хаим. Вопрос и сложный и несложный. Надо ли горским евреям, живущим в Израиле, сохранять свой язык, обычаи, традиции, культуру?

Люба. Это скорее жизненный вопрос и ответ на него можно дать только один: должны не только сохранять, но и развивать дальше свой язык и культуру! Потому что, забыв свои корни и лучшие традиции, мы перестанем существовать, как горско-еврейский народ! Но мы никогда не допустим этого!

Хаим. (*Улыбаясь*). Мне ваш ответ нравится, Люба. Я тоже так думаю. Горский еврей – это звучит гордо!

Люба. Но это не значит, что мы должны жить изолированно от израильского общества. Наоборот. Я очень люблю Израиль, его древнюю историю, природу, культуру, много ездила с экскурсиями по стране, изучила, насколько могла, иврит. Да вы это, наверное, и сами почувствовали в моих стихах. Но свою любовь к Израилю я выразила на нашем горско-еврейском языке!

Хаим. (*Улыбаясь*). Вот где оно – слияние любви к Израилю и нашего языка! А вот наш любимый покойный писатель Хизгил Авшалумов очень опасался израильского «плавильного котла». Скажите, Люба, сколько уже горских евреев переплавилось в этом котле?

Люба. Не знаю, Хаим, не считала. Но у нас существует в Израиле своя горско-еврейская община, и если не мы сами, то кто будет заботиться о сохранении и развитии нашей культуры, языка, обычаев?

Хаим. Я слышу то, что хотел услышать!

Эдик. Кстати, наши горско-еврейские свадьбы как раз и служат сохранению национальных традиций!

Мазаль. Дедушка, а, может, вы останетесь у нас в Израиле?

Шимшон. Это было бы замечательно!

Хаим. Вопрос на засыпку, родные мои. *(Смотрит на Любу).* Я уже начал думать об этом.

Люба. *(Всматриваясь более внимательно в лицо Хаима).* А вы, Хаим, интересный человек!

Хаим. *(Радостно).* Благодарю за комплимент. О'кей! Мне осталось, дорогие мои, сказать еще один главный тост. Шимшон, попросу тебя наполнить бокалы!

Шимшон. С удовольствием! *(Встает с места, разливает вино по бокалам и садится за стол).*

Хаим. *(Поднимаясь с места).* Этот тост я хочу произнести стоя. Мы все принадлежим к небольшому горско-еврейскому народу. Так получилось, что нас разбросало по всему свету. Кто-то остался в родных краях, на Кавказе и в России, кто-то уехал в Америку, Канаду, Германию, а кто, как вы, в Израиль. И, несмотря на это, мы стремимся сохранить себя, как народ. Так вот, я поднимаю этот бокал за наш малочисленный, но очень талантливый народ, как часть всего еврейского народа, за то, чтобы он жил вечно!

Все встают, громко аплодируют, чокаются, пьют и шумно садятся.

Эдик. *(Смотрит на часы).* У меня остается не так много времени, а мы еще не говорили об оплате.

Хаим. О'кей! Платит тот, кто заказывает музыку. Сколько человек у вас в ансамбле?

Эдик. Трое. Кроме меня, кларнетиста, есть пианист с электросистемой и ударник, играющий также на кавказской нагаре. За программе можете быть спокойны – будут преобладать горско-кавказские мелодии, песни и танцы.

Батцион. Это как раз то, что нам надо!

Тамара. А петь тоже будете?

Эдик. Без проблем. Наш пианист Альберт обладает чудесным тенором. Поет песни на любой вкус!

Мазаль. А свадебный марш Мендельсона будет?

Эдик. Без проблем. Без свадебного марша Мендельсона у нас не проходит ни одна свадьба!

Люба. А израильские песни будут звучать?

Эдик. А как же! Мы ведь живем в Израиле – без них никак нельзя!

Хаим. О'кей! Меня все это устраивает, Эдик! А теперь мы просим тебя сыграть нам что-нибудь на кларнете!

Эдик. *(Доставая из сумки кларнет и готовя его к игре).* А что?

Хаим. Что-нибудь зажигательное! Например, лезгинку!

Эдик. Без проблем! *(Начинает играть на кларнете лезгинку).*

Хаим. Родная музыка! Так и хочется пуститься в пляс! Но годы не те. Остановись на минутку, Эдик! *(Эдик прекращает музыку).* Шимшон, дорогой, станцуй-ка нам лезгинку! Ведь ты когда-то ходил в ансамбль кавказского танца? А красота свадьбы – в танцах! Хочу посмотреть, как ты танцуешь лезгинку!

Возгласы: «Станцуй, дорогой!», «Порадуй нас танцем!» и т.д.

Шимшон. Для вас, дорогой дедушка Хаим, я всегда готов танцевать! Но здесь, на террасе мало места для танца!

Хаим. Тогда предлагаю всем перейти во двор. Там места достаточно!

Батцион. Прекрасная идея, родной!

Все переходят с террасы во двор.

Тамара. *(Батцион).* Теперь увидишь, дорогая, как мой сын танцует!

Мазаль. Я уже видела: потрясающе!

Люба. А я не видела и очень хотела бы посмотреть!

Эдик. Да, во дворе, конечно, лучше: намного просторней!

Хаим. О'кей! Ну как, Шимшон, здесь места хватает?

Шимшон. Совсем другое дело!

Хаим. Эдик, музыку!

Эдик. Без проблем!

Хаим. Шимшон, еще не забыл, как танцевать лезгинку? Покажи, на что ты способен! Джигит ты или не джигит?

Шимион. *(Кричит).* Дайте мне место!

Все расступаются, освобождая место для танца. Эдик начинает играть на кларнете лезгинку, под звуки которой Шимион танцует, все более и более загораясь.

Люба. *(Громко).* Смотрите, свадьба еще предстоит, а он уже танцует!

Хаим. *(Кричит).* Это генеральная репетиция к свадьбе!

Все начинают дружно хлопать в такт музыке. Во время танца Шимион приближается к Мазаль и падает перед ней на колено.

Мазаль. *(Кричит).* Bravo, Шимшон! Ты настоящий джигит!

Шимион продолжает танцевать лезгинку и рукой приглашает всех к общему танцу. Постепенно образуется полукруг танцующих, в центре которого оказывается Хаим. все продолжают дружно хлопать и кричать: «Лехаим! Лехаим! Лехаим!» Хаим, весело улыбаясь и пританцовывая, рукой приглашает к себе в круг Любу, которая присоединяется к нему. Включается фонограмма ансамбля. В самом разгаре общего танца опускается занавес.

Конец второго действия.

Памяти Петра (Хаима) Агарунова

Все дальше год, как он ушёл из жизни,
Но боль утраты до сих пор живёт.
Скорбит о нём еврейская Отчизна,
Кем может так гордиться наш народ!

И вспоминаем снова мы сердечно
Его прекрасный образ – светл и чист.
Он в памяти останется навечно
Как двигатель культуры, журналист.

Своим трудом, энергией, талантом
Театр наш в Дербенте возродил.
Артистам и танцорам, музыкантам
Зелёный свет в искусстве он открыл!

По праву его имя в Дагестане
Почётом с тех времён окружено.
И помнят Хаима в Таджикистане,
Где он оставил яркий след в кино.

Я не забуду нашей тёплой встречи
С ним в городе Хадера, где он жил.
Почувствовал, послушав его речи,
Каким интеллигентом Хаим был!

Он так хотел, чтоб горские евреи
Смогли в стране Израиля сберечь
Своё лицо, культуру, пламя веры
И передать сынам родную речь!

Литературно-художественное издание

Драматургия

Давыдов Вячеслав Петрович

ЛЮБОВЬ ГОРЦА

Повесть для театра в двух действиях

Редактор – М. Козакова

Дизайн обложки и компьютерная вёрстка – Э. Алиев

Общая редакция издания – издательский дом «Мирвори»

Руководитель издательского проекта - Й. Мишиев

Подписано к печати 05.01.2009

Формат: 60 х 90 1/16

Гарнитура Times

Усл. печ. листов 6,75

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные – 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

**В издательском доме «Мирвори» в 2007-2009 году
вышли в свет следующие книги:**

**Литературно-публицистический
альманах «МИРВОРИ» №№1-4**

Ю.Ягданов.

ЛЮБОВЬ И СПУТНИКИ.

З.Семендуева. ДУХДЕР ДУЪ БЕБЕ.

Д.Раханаев.

НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ МОИ...

Овгоиль духдер Гилил.

ХУДО НУВУСДЕО.

Е.Навахов. ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ.

Их подвиг не забудется.

*Книга воспоминаний ветеранов ВОВ,
жителей г.Сдерот. (иврит).*

С.Ягудаев. КАРАКУЛЕВЕДЕНИЕ.

Разукрась картинку выучи стишок.

Книжка-раскраска для детей.

М.Якубов. ПУТЬ САНЬКИ. Повесть.

В.Давыдов.

*ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ
ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ.*

М.Елизаров.

ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА.

Сборник рассказов.

М.Козакова. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.

Б.Ханукаев.

И МОРЕ, И ЗЕМЛЯ, И НЕБО.

69 белых пятисоттихий.

Й. Розенталь.

ПОПЫТКА ВОПЛОТИТЬ МЕЧТУ.

И.Йегуди.

*ЗАМЕТКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ЕВРЕЙСТВА*

С.Гаврилов. ОГОНЬ СВЕЧИ.

А.Лифшиц

Я ВАМ СТИХИ СВОИ ПРОЧТУ...

БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ: КТО МЫ?

Энциклопедия. IV том.

Ш.Агарунов.

ДӘДӘЛЛҮӘ ДҮНҮӨМӘ.

В.Давыдов.

ЛЮБОВЬ ГОРЦА. Пьеса

КНИГИ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ВЫПУСКУ:

Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №5

Детский словарь горско-еврейского языка в картинках.

Альбом-каталог горско-еврейских художников.

Ш.Шалумов. Легендарный Мардахай Овиолум Сибири.

Д.Ихиллов. Этногенез и древняя история горских евреев Кавказа.

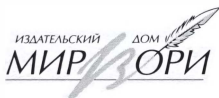
Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректурa, редактирование,
Художественный дизайн и графика.
Консультации по всем вопросам
книгоиздания.**

Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии!

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Посвящение любимой

*Пусть скромный дан мне дар поэта,
Хочу в стихах воспеть я ту,
Кто стал дорожке всех на свете,
И в чью влюблен я красоту!*

*Моя любовь к тебе не знает
Пределов, рамок и границ,
Её огонь во мне пылает,
Чарует взгляд из-под ресниц!*

*Изображали на картинах
Любимую во все века
Царицей мира, иль богиней,
Иль ангелом, чья плоть легка.*

*Но разве с кем-то ты сравнима?
Нет, в мире ты царишь одна!
Лишь в слове том – «люблю» вместило
Все, что ты значишь для меня!*

*Тебе, Мазаль, не бойся сглаза,
Счастливой быть дано судьбой.
И я клянусь, как сын Кавказа:
Моя любовь всегда с тобой!*